

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ В.М. ШУКШИНА»**

Методология и практика научных исследований

**Тезисы докладов
Международной научной школы-конференции**

**Бийск, 15-17 сентября 2017 г.
АГГПУ им. В.М. Шукшина**

Об издании

*Издается по решению реакционно-издательского совета
АГГПУ имени В.М. Шукшина*

УДК: 303

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент М.С. Власов (отв. ред.);
доктор филологических наук, профессор Е.Б. Трофимова;
кандидат филологических наук, доцент У.М. Трофимова;
кандидат психологических наук, доцент О.А. Сычев;
кандидат философских наук, доцент А.М. Беспалов;
кандидат педагогических наук, доцент Т.Н. Зотова.

Методология и практика научных исследований [Электронный ресурс]: тезисы докладов Международной научной школы-конференции (Бийск, 15-17 сентября 2017 г.) / Отв. ред. М.С. Власов. – Бийск: АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2017. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – ISBN 978-5-85127-915-7

В издании опубликованы тезисы докладов участников Международной научной школы-конференции «Методология и практика научных исследований», проходившей в г. Бийске, Алтайском государственном гуманитарно-педагогическом университете им. В. М. Шукшина 15-17 сентября 2017 года.

Текстовое электронное издание.

Минимальные системные требования: ПК 500 и выше; 256 Мб ОЗУ; Windows XP и выше; SVGA с разрешением 1024x768; CD-ROM, мышь; Adobe Acrobat Reader.

ISBN 978-5-85127-915-7

© АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2017

Содержание

Об издании.....	1
I. Пленарные доклады.....	4
Никитина И.В. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ПОДХОД.....	4
Попова О.В. ОСОБЕННОСТИ УНИВЕРСАЛЬНОЙ МОДЕЛИ В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.....	5
Гузь Н.А. ИНТЕГРАТИВНЫЙ АСПЕКТ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ	7
II. Устные секционные доклады	8
Бабичева Ю.Г. ЖАНРОВЫЕ СТРАТЕГИИ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ Е. ПОПОВА).....	8
Беспалов А.М., Никитина И.В., Прудникова М.М. ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЭТНОСОВ ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ.....	10
Виноградова Н.Г. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА “СТЭНДАП” В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА .	11
Власов М.С., Новикова Е.В. ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ ДВИЖЕНИЙ ГЛАЗ ИСПЫТУЕМЫХ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ЛОКАЛЬНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ	12
Власов М.С., Павлов В.И. РАЗРЕШЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ В МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	14
Власов М.С., Ступкина М.В. СИНТАКСИЧЕСКАЯ НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ В РОДНОМ И НЕРОДНОМ ЯЗЫКЕ	15
Власов М.С., Ундармаа Д. РАЗРЕШЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ В МОНГОЛЬСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	18
Гетман А.А. ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВЕРБАЛЬНОЙ И НЕВЕРБАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	21
Го Ли Хун ЗАИМСТВОВАНИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	22
Горбуль Ю.А. ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ К ПОНЯТИЮ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ»	23
Дегальцева Е.А., Разгоняева Е.В. ИГРОВЫЕ МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ.....	24
Жукова Т.В. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ С КОМПОНЕНТОМ «ЖИВОТНОЕ» В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ.....	26
Жукова Т.В. К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКСНОМ ИССЛЕДОВАНИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ	28
Исаева И.П. АНАЛОГИЯ В ИНТЕРПРЕТАТИВНОМ ОСМЫСЛЕНИИ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО	30

Керексибесова У.В. ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СИНОНИМИИ В РУССКОМ, КИТАЙСКОМ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ «ГЛУПЫЙ»	31
Липустина О.М. К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ ВЫСОКОЧАСТОТНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	32
Попова О.В., Романова Л.А. ИМИТАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ ИННОВАЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ	34
Радевич В.В. ОРГАНИЗАЦИЯ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ СМИ	35
Тарбастаева И.Н. КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАВА ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ: «ЗА» И «ПРОТИВ».....	36
Трофимова Е.Б., Трофимова У.М., Одончимэг Т. СТРАТЕГИИ ОПОЗНАВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НОСИТЕЛЯМИ МОНГОЛЬСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ПРОЕКТА	37
Файзуллаева Е.Д. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОЦЕДУРА ПО РАЗВИТИЮ У СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОТКРЫТОСТИ К САМОМУ СЕБЕ, СВОЕМУ ОПЫТУ	39
Цикалюк Е.В. ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА.....	41
Швец Н.А. АКТУАЛЬНОСТЬ ИДЕЙ П.П. БЛОНСКОГО О НОВОЙ ШКОЛЕ: 1917 VS. 2017	42
Шкуропацкая М.Г., Ундармаа Д. ЗВУКОВЫЕ АССОЦИАЦИИ СЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В МОНГОЛЬСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ	44
Щелок Т.И. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКИХ СЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ	45
Юрьева Л.А. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СОДЕРЖАНИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ЖИЛИЩЕ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРАВОВЕДОВ.....	46
Об издателе.....	48

I. Пленарные доклады

Никитина И.В.

nikit220952@yandex.ru

АГГПУ им. В.М. Шукшина (Бийск)

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Появление синергетики как науки о развитии - точка входа в нелинейную науку, изучающую многомерные системы. При этом измерения могут рассматриваться в одних парадигмах как рядоположенные, а в других – как взаимосвязанные отношением взаимодействия. Так, в теории относительности Эйнштейна пространство и время представляют единый континуум, каждое из измерений которого имеет свои измерения, однако любое событие представляет собой итог их взаимодействия. Несколько позже переход к постнеклассической картине мира происходит и в науках об обществе, и в гуманитарных науках: возникает и утверждается вначале в социологии, затем в педагогике и культурологии полипарадигмальный подход. Он опирается на понимание теории как модели, с которой оперирует исследователь, и которая позволяет исследовать лишь те стороны объекта, которые соответствуют его задаче.

Современная наука представляет мозаику парадигм (образцов методов и теорий). Фейерабенд фиксирует это состояние как новую норму науки (методологический плюрализм). Теми же качествами отличается и «игровой» постмодернистский подход к науке. Но при отсутствии критериев отбора и правил их комбинации легко впасть в эклектику и субъективизм. Для сохранения истины как цели исследования каждая концепция может рассматриваться как «проекция» и играть роль модели, позволяющей адекватно, «в фокусе», рассмотреть иные стороны реальности и её феномены. Правильно подобранная совокупность таких моделей должна соединить возможности методологического плюрализма с объективностью рассмотрения своего предмета.

Так, на метатеоретическом уровне происходит интеграция парадигм в единый, комплексный инструмент. В специальных науках парадигмы раскладываются как пасьянс (одна глава – одна парадигма) (Лихачева 2000); в философии – синтезируются. В этом суть *интегрального полипарадигмального подхода*. Его основные правила:

1. Парадигмы рассматриваются как взаимодополнительные (синергетика изучает возникновение и деструкцию систем, диалектика – их развитие в середине цикла);
2. Если в контрастных парадигмах совпадает информация, она считается наиболее достоверной, поэтому акцент надо делать на поиске таких совпадений, а не на критике оппонента;
3. Используется принцип всесторонности рассмотрения: например, для исследования социокультурных систем необходимо объединить возможности диалектики, синергетики, герменевтики, системно-структурного подхода, добавляя при необходимости и иные элементы;

4. Социокультурная система рассматривается как итог взаимодействия общества и культуры как двух измерений, каждое из которых имеет свою ритмику и динамику, но находится в живом взаимодействии с другим, а не в качестве частей друг друга. Науки об обществе и науки о культуре находятся в отношении не субординации, а взаимодополнительности. Первые изучают законы, отношения и ценности, а вторые – образцы поведения, ценности и смыслы. Логически формации как парадигме социальной науки соответствует цивилизация в науках о культуре; базису и надстройке, соответственно: менталитет и историко-культурный тип. Поэтому даже при тождестве названия дисциплин (например, социология культуры есть и в социологии и в культурологии) они представляют различные парадигмы, которые взаимодополнительны и могут синтезироваться. Философия культуры как раздел философии взаимодополнительна к философии культуры как метатеории культурологических дисциплин (Самойлов 2007). История культуры как раздел исторического знания дополнительна к культурологической трактовке истории культуры (Никитина 2012).

Литература:

1. Лихачева Л.С. Этикет в социальном взаимодействии: полипарадигмальный подход. Екатеринбург: Уральское изд-во, 2000. 156 с.
2. Никитина И.В. История русской культуры: философский анализ эволюции оснований русской духовности: учебное пособие к спецкурсу. Бийск: Алтайская гос. академия образования им. В. М. Шукшина, 2012. 368 с.
3. Самойлов С. Ф. Метатеоретическая интерпретация философии культуры и проблема духовного фундаментализма //Известия РГПУ им. А. И. Герцена: Общественные и гуманитарные науки: Научный журнал, СПб, 2007, № 8. С.20-25.

Попова О.В.

pov@bigpi.biysk.ru

АГГПУ им. В.М. Шукшина (Бийск)

ОСОБЕННОСТИ УНИВЕРСАЛЬНОЙ МОДЕЛИ В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Современные социокультурные условия, постоянно изменяющиеся требования к образованию в целом и профессиональному образованию в частности, особенности пополнения и изменения инновационных процессов в образовании требуют изменений в педагогических исследованиях. Одно из актуальных требований – это универсальность подхода к исследованиям и особенно универсальность внедрения получаемых результатов. Это связано с тем, что научные исследования должны наиболее быстро и полно реализоваться в максимально больших образовательных системах, так как практика требует достаточно быстрого получения научных результатов, повышающих эффективность инновационных процессов.

В то же время мы четко понимаем, что направленность педагогических исследований в сторону универсальности возможна только до определенного предела, за которым это положительное явление может перерасти в отрицательное.

Мы считаем, что, в сущности, для моделирования, апробации, последующего воспроизведения и реализации универсальности в педагогических исследованиях

важно наличие основополагающей универсальной модели (Попова, Зельцер 2016), которая определяет базовые составляющие (цель, принципы, концептуальные основы и др.) и имеет, как минимум, следующие составляющие:

1. Основу, диктуемую социальной, социально-профессиональной средой.
2. Структуру, реализующую взаимодействия *педагог – обучаемый, исследователь – испытуемый, педагог (исследователь) – социальная среда, обучаемый – социальная среда* и др.
3. Блоки, обеспечивающие воспроизведение всех видов взаимодействий от исследования до конечной реализации.
4. Проверочно-диагностическую базу, которая позволяет отслеживать все текущие, промежуточные и конечные результаты.
5. Структуру содержательной и технологической составляющих, обеспечивающую универсальность воспроизведения в различных условиях исследования и реализации.
6. Систему коррекционных и модифицирующих воздействий.

Модель, которую исходя из решаемых с ее помощью задач можно трансформировать под потребности исследования, мы назвали универсальной, так как ее составляющие едины во всех социально-профессиональных направлениях реализации.

Унифицированная модель в педагогических исследованиях, на наш взгляд, может быть использована как базовая модель в различных видах педагогических исследований в области профессионального образования, проектирования и реализации педагогических систем, в педагогической практике для конкретных вариантов профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации, дополнительного образования.

Исходя из вышесказанного, а также научных наработок авторов, особенности универсальной модели в педагогических исследованиях позволяют:

1. применять положительные и нивелировать отрицательные аспекты в образовании и научной деятельности;
2. формировать у исследователя представления о роли и месте проводимого им педагогического исследования.

Проектирование и реализация универсальной модели персонифицированного профессионального образования существенно облегчат практически все этапы педагогического исследования («теорию», «эксперимент» и «практику внедрения»).

Литература:

1. Попова О.В., Зельцер И.М. Вопросы перехода на роботизированные WEB технологии: преимущества, сложности, предложения // Международный научный журнал «Инновации в жизнь», 2016, № 5. С. 56-62

Гузь Н.А.

gna@city.biisk.ru

АГГПУ им. В.М. Шукшина (Бийск)

ИНТЕГРАТИВНЫЙ АСПЕКТ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Междисциплинарный подход к изучению литературы был известен еще в античности. В педагогике идею преподавания одной дисциплины в органической связи с другими выдвигали А.Я. Коменский, К.Д. Ушинский. В отечественной дидактике междисциплинарный подход активно обсуждался в 60 – 70-е годы XX века, а в 80-е годы его сменил термин «интеграция». На сегодняшний день существуют сотни исследований от общепедагогических до узкопрофильных о взаимосвязи предметов в процессе их преподавания, при этом междисциплинарный подход разработан достаточно подробно, а интегративный нуждается в базовой теории интегративного образования, уточнении понятийного аппарата, упорядочении множественности подходов к определению уровней интеграции. Но нет сомнений в том, что интегративный подход в образовании не только актуален сегодня: за ним – будущее.

Актуальность интегративного подхода к преподаванию литературы обеспечивается рядом факторов. С одной стороны, литературоцентризм нашей культуры и система ценностей русской классики подвергаются серьезнейшим испытаниям в современных социокультурных условиях, причем происходит это на фоне усиления противоречий между технологизацией и гуманизацией образовательного процесса как следствия его стандартизации и прагматизации. С другой стороны, литература дает возможность сохранить базовые концепты национальной культуры, национального самосознания, потому что художественное произведение – это и отражение национальной картины мира, и выраженные в художественных образах «скрепы» национального менталитета, и общечеловеческие доминанты мировосприятия. Но для современного школьника или студента 18-й или 19-й век - «затонувшая Атлантида», и возникает противоречие между знанием и пониманием, а затем между проблемой понимания и проблемой ценностей. Устранить эти противоречия помогает интегративный подход.

В любом литературном произведении есть историко-культурный компонент или целый пласт. Интегративный подход предполагает изучение произведения не только как литературного (прежде всего) феномена, но в органической взаимосвязи с историческими, философскими, социальными реалиями, с различными видами искусства. Междисциплинарный диапазон, его глубина и конкретная методика зависят, конечно, от специфики изучаемого текста. Так, нельзя понять лирику Ф.И. Тютчева вне ее связи с гегелевской концепцией творчества и с философией Ф. Шеллинга, творчество А.А. Фета – вне контекста философии позднего Ф. Шеллинга и А. Шопенгауэра, противостояния идейно-эстетических позиций в русском обществе середины 19 века. Романы И.А. Гончарова и И.С. Тургенева дают прекрасную возможность ознакомиться с тенденциями общественно-исторического развития 40 - 70-х годов 19 века и с таким феноменом культуры, как «русская усадьба», в самых разнообразных аспектах: быт, экономические и социальные реалии, архитектура, музыка и живопись, мифология, концепция человека в контексте натурфилософии и т.д. Одно только описание обломовского халата содержит в себе концепцию Востока и Запада, характерную для середины 19 века. Другими словами, любое литературное

произведение или отдельные его фрагменты могут быть поняты лишь в контексте культуры.

Особую роль в использовании интегративного подхода играют многочисленные экранизации, театральные и балетные постановки литературных произведений: они дают возможность сопоставить авторскую концепцию произведения и его современную интерпретацию, выявить акценты, актуальные для современного искусства. Плодотворными представляются, например, сопоставления романа «Обломов» и фильма «Несколько дней из жизни Обломова», двух последних экранизаций романа И.С. Тургенева «Отцы и дети», пьесы А.Н. Островского «Бесприданница» и фильма «Жестокий романс», романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и одноименного балета Б. Эйфмана.

Выбор уровня интеграции и конкретных методических приемов зависит от целого ряда объективных факторов (цель и задачи обращения к тексту, возрастные особенности обучающихся, объем используемого времени и др.)

Итак, интегративный подход к преподаванию литературы является актуальным, продуктивным и перспективным для формирования целостного мировосприятия, нравственно-экологического мышления, усвоения основ национальной культуры.

II. Устные секционные доклады

Бабичева Ю.Г.

liraff1@yandex.ru

АГГПУ им. В.М. Шукшина (Бийск)

ЖАНРОВЫЕ СТРАТЕГИИ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ Е. ПОПОВА)

В свете децентрации литературного пространства и методологического синкретизма современной литературоведческой науки проблема жанра как одной из фундаментальных категорий представляется особенно актуальной. Жанровые формы в современной художественной практике крайне нестабильны, а их границы подвижны.

Современная жанрология переживает определенный кризис. Жанровые номинации произведений современной литературы настолько сложны и многогранны, что естественным образом рождается проблема их традиции и новаторства. Показателем сознательного выбора писателем оригинальной жанровой стратегии становятся авторские указания на жанр, количество и многообразие которых трудно типологизировать и классифицировать (Звягина 2009: 109).

Характер жанровых номинаций свидетельствует, с одной стороны, о жанровой рефлексии автора, с другой – о разрушении и сознательной трансформации традиционных моделей. Кроме того, в процесс жанрообразования часто вовлечены не только жанры из смежных литературе областей искусства (живопись, театр, кино), но и компьютерные технологии, что, безусловно, порождает новые формы и способы

организации нарратива, обогащает поэтику художественного текста, разрывает повествовательную канву и трансформирует традиционное представление о литературном произведении (Маркова 2011).

Предпринимается попытка исследования особенностей жанровой структуры художественного текста на материале творчества известного отечественного писателя-постмодерниста Е. Попова. В ходе анализа и интерпретации произведений «Мастер Хаос. Роман» (2002 г.), «Плешивый мальчик: Проза P.S.» (2004 г.) «Арбайт. Широкое полотно. Интернет-роман» (2012 г.), выявлены жанрообразующие признаки романа и рассказа как структурно-семантического каркаса, обогащенного элементами иных дискурсивных практик, в частности, компьютерной (в т.ч. «сетературной»), беседной (разговорной), элементами «нового журнализма» и неоромантических установок. Жанровые трансформации указанных произведений осуществляются художником преимущественно в направлении гибридизации – расширения границ и скрещивания жанров, что, с одной стороны, становится проявлением индивидуально-авторской стратегии творческой лаборатории Е. Попова, а с другой – эксплицирует магистральные тенденции литературы 21 века.

В качестве ядерной нарративной стратегии художественного мира Е. Попова на уровне жанра можно определить стратегию метафорически-иронического, игрового переосмысления традиционных жанровых форм, что обуславливает трансформацию традиционных жанров и появление новых жанровых модификаций – «интернет-романа», «открытой мультиагентной литературной системы», «романа-коллажа», «прозы P.S.»

Жанровые стратегии прозы Е. Попова становятся важной составляющей отечественной прозы нового столетия и отражают основные тенденции современного литературного сознания – усиление авторской рефлексии, конституирование пародийного и автопародийного начала, синтез художественных и нехудожественных элементов, разрушение жанровых и стилевых границ.

Полученные результаты, с одной стороны, обогащают существующие жанровые классификации, а с другой – намечают пути типологизации современных художественных практик на уровне жанровых стратегий.

Литература:

1. Звягина М. Ю. Феномен авторского жанрового определения в русской прозе второй половины 20 – начала 21 веков // Дергачевские чтения – 2008 Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Проблема жанровых номинаций: Материалы 9 Международной научно-практической, Екатеринбург, 9 – 11 октября, 2008. В 2 т. Т. 2. / Сост. А.В. Подчиненов. Екатеринбург, 2009. 456 с. С. 109 – 114.
2. Маркова Т. Авторские жанровые номинации в современной русской прозе как показатель кризиса жанрового сознания // Вопросы литературы, 2011, №1. С. 280-290.

Беспалов А.М.^{*}, Никитина И.В., Прудникова М.М.^{*}*bam56@mail.ru*

АГГПУ им. В.М. Шукшина (Бийск)

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЭТНОСОВ ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ¹

В последние годы заметно возрос интерес к изучению ценностей и ценностных ориентаций, разделяемых представителями различных этнических групп в современном обществе. В 2016 г. мы уже приводили результаты своего исследования в Западной Монголии, где подробно раскрывали эту тему. В сентябре 2017 года исследование также было продолжено в Западной Монголии, и несколько вопросов анкеты были связаны с этой темой. Нами было опрошено 411 человек по квотной и случайно-вероятностной выборке, при которой представители 6 этнических групп: олётов, урянхайцев, торгутов, хотонов, мянгатов и халхов – в возрасте от 17 лет и старше могли участвовать в опросе. Квоты для этнических групп выделялись исходя из задач исследования. Случайно-вероятностная выборка рассчитывалась на основе переписи населения Монголии 2010 года (Монгол улсын үндэсний статистикийн хороо 2011). Репрезентативность выборки соответствует социально-демографической структуре населения двух аймаков (Ховдского и Увсанурского), в которых проводился опрос. Это обеспечивает достоверность результатов данного исследования. Отклонения в выборочной совокупности по основным демографическим характеристикам находятся в пределах 5% доверительного интервала.

В рамках исследования мы проанализировали отношение этносов к межэтническим бракам, к взаимодействию с другими этносами, к религиозным взглядам и т.п. Результаты показали, что участники опроса в основном разделяют традиционные представления в этих вопросах. Так, большая часть респондентов (80%) принадлежность к этносу определяют по этнической принадлежности отца. Различия между отдельными этносами, полом и возрастом весьма незначительные. По отношению к межэтническим бракам уже есть некоторые различия. В целом около трети опрошенных (28,0%) считают межэтнические браки недопустимыми по причине их отрицательного влияния на «чистоту» этноса, а 17,0% отметили, что межэтнические браки неприемлемы с представителями только определенных этносов. В то же время немного больше респондентов (28,5%) считают такие браки возможными в силу равенства всех людей, и 25,5% полагают, что такие браки необходимы для «обновления крови». Если посмотреть ответы на этот вопрос «в разрезе» этнических групп, то большая часть олётов (38,8%) и халхов (37,0%) считают межэтнические браки недопустимыми по причине их отрицательного влияния на «чистоту» этноса. Этот же ответ преобладает среди мужчин: олётов (41,9%), халхов (37,5%) и урянхайцев (32,1%), а также женщин: халхов (36,6%) и олётов (36,1%). При этом наибольшее количество опрошенных отдают предпочтение в случае заключения межэтнического брака халхам (29,4%), мянгатам (15,3%) и олётам (13,4%). В то же время наиболее отрицательно респонденты отнеслись к выбору супруга или супруги из числа китайцев (36,0%) и казахов (22,1%).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования, культуры, науки и спорта Монголии, проект № 16-23-03005.

В современном мире большое значение в жизни людей имеет Интернет. Среди опрошенных им пользуются 83,5%. В Интернете наибольший интерес у опрошенных вызывают новости (28,2%), социальные сети, общение с другими людьми (19,7%), профессиональная информация (19,5%), история Монголии (14,6%), домашнее хозяйство (приготовление пищи, уход за животными, растениями, вышивание, ремонт жилья и т.п.) (12,9%). Что касается отдельных этносов, то интерес к новостям у всех, за исключением хотонов, для которых наиболее предпочтительной является профессиональная информация (34,3%), находится на первом месте. А вот далее предпочтения меняются. Социальные сети, общение с другими людьми находится на втором месте только у торгутов (33,3%), олётов (20,9%) и урянхайцев (19,4%). Для урянхайцев на втором месте также находится профессиональная информация (19,4%). На втором месте для хотонов находятся новости (29,9%), а для халхов – история Монголии (20,5%).

Таким образом, можно отметить, что традиционные отношения среди респондентов в Западной Монголии еще сохраняются, в то же время интересы в информационной сфере начинают меняться, что постепенно будет влиять и на изменения в более консервативных общественных отношениях.

Литература:

1. Хүн ам, орон сууцны 2010 оны улсын тооллого: Нэгдсэн дүн. Монгол улсын үндэсний статистикийн хороо. Улаанбаатар хот, 2011.

Виноградова Н.Г.

katipet30@yandex.ru

АГГПУ им. В.М. Шукшина (Бийск)

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА “СТЭНДАП” В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В докладе рассматривается зарождение “стендап” как особого жанра. Стендап – это комедийное представление. Комики выступают с монологами. Стэндап – самый простой и доступный способ самовыражения.

Предмет исследования – особенности использования языковых средств жанра стендап-шоу. Материалом для исследования послужили авторские монологи известных американских и российских стендап-комиков: Lenny Bruce (Ленни Брюс), Richard Pryor (Ричард Прайф), Руслан Белый, Стас Старовойтов.

Структура комического жанра. Именно отношение даёт шутке силу и направление. Четыре основных типа отношения, необходимые при написании шуток:

1. Странный.
2. Страшный, жуткий.
3. Трудный, сложный.
4. Глупый.

К сочетанию отношения и темы добавляют предпосылку, чтобы получилось то, что называется установкой. Предпосылку также называют мнением, ударом, выпадом, точкой зрения.

В работе стендап-комиков широко используются полисемантичность слов и комическая игра слов. Произнесение слов с иронической интонацией создаёт безмерное поле для их употребления. Приобретения лексическими единицами комической окраски является комическая среда.

Приёмы комического порождаются различными средствами и формируются, прежде всего, языковыми средствами.

Литература:

1. Категория комического в аспекте теории и практики речевого воздействия // Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А. П. Сковородникова. Вып. 13 (21). Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. 232 с.

Власов М.С. *, Новикова Е.В.

*vlasov@bigpi.biysk.ru

АГГПУ им. В.М. Шукшина (Бийск)

ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ ДВИЖЕНИЙ ГЛАЗ ИСПЫТУЕМЫХ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ЛОКАЛЬНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ¹

Цель данной работы – выявление индивидуальных особенностей движения глаз у взрослых здоровых испытуемых при чтении предложений на английском языке с локальной синтаксической неоднозначностью (с ранним и поздним закрытием определительной придаточной клаузы к одной из двух возможных вершин в главной клаузе) и выявление корреляции этих особенностей с личностными свойствами испытуемых. В эксперименте приняли участие 28 человек (правши), носители русского языка. Все испытуемые владели вторым английским языком на уровне не ниже C1. Использовалась методика анализа движений глаз при чтении синтаксически неоднозначных предложений (Rayner 1998; Anisimov, Fedorova & Latanov 2014) и психологические опросники (Carver & White 1994; Князев, Слободская, Сафронова 2004). Для регистрации движений глаз использовалась система SMI RED-500, с частотой регистрации 500 Гц, запись осуществлялась в монокулярном режиме, без использования стойки для фиксации головы для моделирования естественного процесса чтения. Все испытуемые заполняли комплект психологических опросников, включавший BAS/BIS (системы активации и торможения поведения), опросник Грея-Уилсона, ситуативный и поведенческий опросники Спилбергера. Тестирование продолжалось около 20 минут (в зависимости от скорости чтения испытуемых и скорости реакции на стимулы). Для эксперимента были использованы предложения на английском языке, содержащие локальную (временную) синтаксическую неоднозначность. Предложений-стимулов было 40. Для половины испытуемых стимулы предъявлялись без знака препинания (запятой) между главной и придаточной клаузами, для другой половины участников предъявлялись стимулы со знаками препинания. Варьирование данного пунктуационного фактора необходимо

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, проект № 5819.2016.6 (руководитель – М.С. Власов).

для выяснения его влияния на процессы чтения локально неоднозначных предложений (Clifton, Carlson, & Frazier 2002; Niikuni & Muramoto 2014). Испытуемые должны были прочесть эти предложения, а затем ответить на вопросы по содержанию с двумя вариантами ответа (выбор ответа осуществлялся при помощи компьютерной мыши). Вопросы задавались для того, чтобы убедиться в правильности понимания смысла предложения читающим. Пример стимула с разными вариантами присоединения придаточной клаузы к первой именной группе (ИГ) при *раннем закрытии* и ко второй ИГ при *позднем закрытии*:

The criminal shot the maid_{ИГ1} of the actress_{ИГ2} [,] who was serving tea. (раннее закрытие)

Вопрос: Who was serving tea? a) the maid, b) the actress.

The criminal shot the maid_{ИГ1} of the actress_{ИГ2} [,] who was very famous. (позднее закрытие)

Вопрос: Who was very famous? a) the maid, b) the actress.

Выяснилось, что в среднем время, которое затрачивается на анализ первой ИГ в заданиях с запятой, больше на 100 мс, чем на анализ второй ИГ. Вне зависимости от уровня тревожности наличие запятых в среднем на 150 мс ускоряло процесс чтения предложений. «Эффект запятой» при чтении проявлялся в том, что в предложениях с запятой на первой ИГ зафиксированы более длительные фиксации, чем в предложениях без запятой. В том случае, если в предложении-стимуле не стояла запятая, наблюдался достоверный эффект BIS (испытуемые, у которых наблюдался высокий уровень BIS, в среднем тратили на выполнение задания на 500 мс больше, чем люди с низким уровнем BIS).

Литература:

1. Князев Г.Г., Слободская Е.Р., Сафронова М.В. Краткая форма личностного опросника Грея–Уилсона // Вопросы психологии, 2004, №4. С. 113-122.
2. Anisimov V.N., Fedorova O.V., Latanov A.V. Eye Movement Parameters in Reading Sentences with Syntactic Ambiguities in Russian // Human Physiology (Moscow), 2014, том 40, № 5. С. 521-531.
3. Carver C.S., White T.L. Behavioral inhibition, behavioral activation, and affective responses to impending reward and punishment: The BIS/BAS Scales // Journal of Personality and Social Psychology, 1994, Vol. 67(2). P. 319-333.
4. Clifton C. Jr., Carlson K., & Frazier L. Informative Prosodic Boundaries // Language and Speech, 2002, Vol. 45(2). P. 87-114.
5. Niikuni K., Muramoto T. Effects of punctuation on the processing of temporarily ambiguous sentences in Japanese // Japanese Psychological Research, 2014, Vol. 56 (3). P. 275-287. Doi: 10.1111/jpr.12052.
6. Rayner K. Eye movements in reading and information processing: 20 years of research // Psychological Bulletin, 1998, Vol. 124 (3). С. 372-422.

Власов М.С. *, Павлов В.И. **

*vlasov@bigpi.biysk.ru

АГГПУ им. В.М. Шукшина (Бийск)

**МонГУ (Улан-Батор)

РАЗРЕШЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ В МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Разрешение глобальной синтаксической неоднозначности – одна из актуальных проблем современной теоретической и прикладной лингвистики. Сложноподчиненные предложения с определительными придаточными клаузами уже неоднократно становились специальными предметами исследований на материале разных языков. Например:

The criminal shot the maid_(NP1) of the actress_(NP2) who was on the balcony_(RC).

В подобных предложениях определительное придаточное может присоединяться к первому имени по принципу высокого присоединения, или раннего закрытия (*на балконе стояла служанка*), либо ко второму имени по принципу низкого присоединения, или позднего закрытия (*на балконе стояла актриса*). Для таких предложений возможно построить две разные синтаксические структуры, но при этом обе эти структуры будут грамматически правильными.

На материале многочисленных психолингвистических экспериментов установлено, что носители одних языков предпочитают раннее закрытие, носители других языков – позднее закрытие. На материале монгольского языка предпочтение того или иного вида закрытия до сих пор не было установлено.

Цель настоящего исследования состояла в определении типа предпочитаемого присоединения придаточной клаузы в монгольском языке (раннего или позднего закрытия) с помощью метода опроса носителей языка. Выборку испытуемых составили монгольские школьники и студенты в возрасте от 16 до 24 лет (всего 193 человека). Предложения, предъявляемые в ходе опроса, были заимствованы из работ других авторов и переведены на монгольский язык. Испытуемым предлагалось прочитать предложения про себя и ответить на вопросы к придаточной клаузе. Например:

Мөрдөгч нэр хүнд муутай байсан даргын найзыг олж харав.

Нэр хүнд муутай нь: найз/дарга

Результаты опроса показали, что носители монгольского языка достоверно чаще выбирают первое (наиболее близкое к предикату) имя в качестве вершины придаточной клаузы (в 59% всех случаев), то есть предпочитают принцип раннего закрытия (или высокого присоединения). Выборка ответов показала высокий уровень значимости неслучайного выбора раннего закрытия определительной придаточной клаузы в монгольском языке ($Z=6,77$, $p<0,001$). Указанная тенденция для современного монгольского языка выявлена впервые. Это позволяет включить монгольский язык в группу языков, для которых в целом характерно раннее закрытие

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, проект № 5819.2016.6 (руководитель – М.С. Власов).

(наряду с японским, корейским, итальянским, греческим, немецким, русским и некоторыми другими языками). Полные результаты исследования отражены в препринте авторов (Власов, Павлов, Ундармаа 2018, preprint).

Литература:

1. Власов М.С., Павлов В.И., Ундармаа Д. Предпочтение раннего закрытия (высокого присоединения) при разрешении глобальной синтаксической неоднозначности сложноподчиненных предложений с определительными придаточными в монгольском языке. 2018. Препринт. DOI: 10.13140/RG.2.2.20310.14401. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/321723415_Early_Closure_High_Attachment_Preference_in_Relative_Clause_Attachment_Ambiguity_Resolution_in_Mongolian

Власов М.С.^{*}, Ступкина М.В.

^{*}vlasov@bigpi.biysk.ru

АГГПУ им. В.М. Шукшина (Бийск)

СИНТАКСИЧЕСКАЯ НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ В РОДНОМ И НЕРОДНОМ ЯЗЫКЕ¹

Межъязыковые различия в обработке неоднозначных предложений с определительными придаточными известны достаточно давно. В одних языках обнаружено общее предпочтение раннего закрытия (африкаансе, хорватском, голландском, французском, немецком, испанском и русском), в других – позднего закрытия (английском, бразильском варианте португальского языка, норвежском, румынском, шведском) у «нативных» носителей данных языков. Стратегии же разрешения неоднозначности в неродном языке формулируются не настолько категорично.

Так, в работе Фернандез (Fernandez 2002) описаны две существующие стратегии присоединения определительного придаточного к одному из имен сложной именной группы, которые наблюдаются у англо- и испаноговорящих билингвов в условиях эксперимента: 1) стратегия интерпретации, характерная для родного языка испытуемых (*language-dependent behavior*) и 2) стратегия интерпретации, не характерная для родного языка испытуемых (*language-independent behavior*). По мнению Фернадез, выявление данных стратегий позволяет получить представление о механизмах активации первого (L1) и второго (L2) языка у билингвов в процессе разрешения синтаксической неоднозначности. На фоне найденных ранее различий в интерпретации следующих предложений носителями английского и испанского языков на их родном языке Фернандез ставит проблему поиска механизмов активации одной из двух возможных стратегий интерпретации:

(1). *Andrew had dinner yesterday with the [nephew]_{NP1} of the [teacher]_{NP2} that was in the communist party.*

(1a). *Andrew cenó ayer con [el sobrino]_{NP1} [del maestro]_{NP2} que estaba en el partido comunista.*

Исследователи Куэтос и Митчел (Cuetos & Mitchell 1988) впервые ярко продемонстрировали межъязыковые различия в интерпретации данных предложений

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, проект № 5819.2016.6 (руководитель – М.С. Власов).

на родном языке испытуемых и определили для испанского языка предпочитаемый принцип раннего закрытия, в то время как для носителей английского языка более предпочитаемым считается принцип позднего закрытия. Так, при чтении предложения (1) носители английского языка при ответе на вопрос «Кто был в коммунистической партии?» чаще выбирают *учителя* (NP2), в то время как в испанском эквиваленте данного предложения (1a) испаноговорящие носители выбирают *племянника* (NP1). По мнению Фернандез, эти межъязыковые различия подводят к общетеоретической проблеме выявления стратегий интерпретации данных предложений билингвами.

Исследователь предложила методику экспериментального исследования онлайнового и офлайнного синтаксического анализа предложений на английском языке с использованием *метода регистрации времени чтения с саморегулировкой скорости*. Результаты ее эксперимента показали, что при анализе предложений в «скоростном режиме» у билингвов не наблюдается значимых предпочтений к тому или иному виду закрытия, в то время как монолингвы последовательно предпочитают позднее закрытие. При анализе английских предложений без ограничения времени прочтения обе группы испытуемых продемонстрировали предпочтение позднего закрытия (Fernandez 2002). В дальнейшем данная мысль развивалась в русле разграничения ранних и поздних этапов синтаксического анализа: первый этап связывался с выполнением задания на скорость, второй – с итогом процесса интерпретации. Например, предпочтение позднего закрытия на раннем этапе анализа было выявлено также у русскоязычных монолингвов при обработке синтаксически неоднозначных предложений с адьюнктом при сложной именной группе, однако на поздних этапах анализа носители языка предпочитали раннее закрытия, характерное в целом для русского языка (Чернова 2016). Расхождение в предпочтениях раннего и позднего закрытия при обработке предложений в режиме реального времени и при окончательной интерпретации было выявлено также на материале итальянского (De Vincenti & Job 1993) и португальского (Maia et al. 2006) языков.

Более точным методом анализа процессов чтения предложений с синтаксической неоднозначностью является *метод регистрации движений глаз*, поскольку он позволяет регистрировать не только общее время реакции на интересующий нас фрагмент предложения, но и разграничивать разные параметры движений глаз при чтении таких фрагментов: первые и последующие фиксации взора (рефиксации), общее время чтения, время первого прохода и т.д.

Для объяснения различий в параметрах движений глаз на ранних и поздних этапах синтаксического анализа рассмотренных выше неоднозначных предложений в психолингвистике принято использовать два типа моделей. Первые предполагают, что испытуемые с самого начала обрабатывают предложения с опорой на грамматическую информацию; вторые предполагают, что испытуемые с самого начала анализируют все возможные варианты присоединения придаточной клаузы с опорой на частотность потенциальной вершины, количество ее значений, контекст и т.д. Такие модели подвели исследователей к двум типам гипотез разрешения синтаксической неоднозначности в режиме реального времени: структурно-ориентированной и лексико-ориентированной. Ярким примером структурно-ориентированной модели является модель «садовой дорожки» (garden path theory), в рамках которой предполагается, что предложение с локальной неоднозначностью анализируется изначально по принципу позднего закрытия (или минимального присоединения), при этом реанализ происходит только при достижении читателем

критического фрагмента, разрешающего неоднозначность в пользу иного – раннего закрытия (Fodor & Frazier 1980). В рамках экспериментальных исследований с применением метода регистрации движений глаз данная модель проверялась через гипотезу «непринужденного пересмотра как последней попытки» (*Revision as Last Resort*) при анализе локально неоднозначных предложений (Sturt et al. 2001). Гипотеза заключается в том, что во время первого прочтения испытуемый изначально дольше фиксирует взор на наиболее предпочтительной для того или иного языка именной группе (по крайней мере, для английского языка – это всегда последняя именная группа), а затем происходит непринужденный пересмотр в пользу другой именной группы, но только если придаточная клауза разрешает неоднозначность в «ее пользу». То есть синтаксически ориентированная стратегия по принципу минимального присоединения «работает» до тех пор, пока читающий не сталкивается с иным вариантом присоединения исходя из контекста (Frazier 1979).

Однако данная гипотеза была опровергнута на материале глобально неоднозначных предложений японского языка (Yamada et al. 2017). Исследователи обнаружили, что вопреки сложившемуся мнению о таком «структурно ориентированном» пересмотре, испытуемые уже на ранних этапах синтаксического анализа оказываются чувствительными к лексической, контекстной информации, а значит, большую роль в такой ситуации играют частотность лексем, лексическая сочетаемость и т.д. (Yamada et al. 2017). Существуют также данные о том, что двуязычные испытуемые (L2 learners) в целом более чувствительны к любой лексической информации при чтении и анализе таких предложений (в частности, на неродном английском языке), чем монолингвы любого возраста (Felser et al. 2003).

В докладе будут представлены результаты эксперимента с применением методики регистрации движений глаз, а также доводы в пользу лексико-ориентированной стратегии при чтении синтаксически неоднозначных предложений русскоязычными испытуемыми на неродном английском языке.

Литература:

1. Чернова Д.А. Процесс обработки синтаксически неоднозначных предложений: психолингвистическое исследование: дис... канд. филол. наук, специальность: 10.02.19 – «Теория языка», СПб, 2016.
2. Cuetos F., Mitchell D.C. Cross-linguistic differences in parsing: Restrictions on the use of the Late Closure strategy in Spanish // *Cognition*, 1988, Vol. 30, Issue 1. P. 73-105.
3. De Vincenzi M., & Job, R. Some observations on the universality of the Late Closure strategy // *Journal of Psycholinguistic Research*, 1993, Vol. 22, Issue 2. P. 189–206.
4. Felser C., Roberts L., Gross R., and Marinis T. The processing of ambiguous sentences by first and second language learners of English // *Applied Psycholinguistics*, 2003, Vol. 24, Issue 3. P. 453-489. doi: 10.1017/S0142716403000237
5. Fernandez Eva M. Relative Clause Attachment in Bilinguals and Monolinguals // *Bilingual Sentence Processing*, R.R. Heredia & J. Altarriba (Editors), 2002. P. 187-215.
6. Fodor J. D., & Frazier L. Is the human sentence parsing mechanism an ATN? // *Cognition*, 1980, Vol. 8. P. 417–459.
7. Frazier L. On comprehending sentences: Syntactic parsing strategies (reproduced unpublished doctoral dissertation, University of Connecticut, in 1978). Bloomington: Indiana University Linguistics Club, 1979.
8. Maia M., Fernández E.M., Costa A., Lourenço-Gomes M.D.C. Early and late preferences in relative clause attachment in Portuguese and Spanish // *Journal of Portuguese Linguistics*, 2006, Vol. 5. P. 3–26.

9. Sturt P., Pickering M. J., Scheepers C., & Crocker M.W. The preservation of structure in language comprehension: Is reanalysis the last resort? // Journal of Memory and Language, 2001, 45. P. 283–307.

10. Yamada T., Arai M., and Hirose Y. Unforced Revision in Processing Relative Clause Association Ambiguity in Japanese: Evidence Against Revision as Last Resort // Journal of Psycholinguistic Research. 2017, Vol. 46, Issue 3, P. 661-714.

Власов М.С.^{*}, Ундармаа Д.^{**}

^{*}vlasov@bigpi.biysk.ru

АГТПУ им. В.М. Шукшина (Бийск)

^{**}Ховдский государственный университет (Ховд)

РАЗРЕШЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ В МОНГОЛЬСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ¹

Синтаксическая неоднозначность в предложениях с определительной придаточной клаузой и ее несколькими потенциальными вершинами по-прежнему активно изучается в мировой психолингвистике. В предложении типа «Преступник застрелил служанку актрисы, которая стояла на балконе» наблюдается явление глобальной синтаксической неоднозначности, при которой придаточное может присоединяться как к первому имени (служанка), так и второму имени (актриса), при этом оба эти варианта оказываются допустимыми с точки зрения грамматики. Выбор первого имени в качестве вершины придаточного принято называть ранним закрытием (РЗ), а выбор второго имени – поздним закрытием (ПЗ).

На материале многочисленных экспериментов установлено, что носители одних языков предпочитают РЗ, носители других языков – ПЗ. Так, у носителей родного русского языка достоверно установлен приоритет РЗ: то есть в предложении типа «Преступник застрелил служанку актрисы, которая стояла на балконе» носители русского языка примерно в 60-65% случаев склонны выбирать первое имя (служанку) в качестве вершины придаточной клаузы. Большая экспериментальная работа проведена на данном материале О.В. Федоровой и М.В. Юдиной. Исследователи допускают ряд факторов, влияющих на выбор РЗ или ПЗ: 1) длина придаточного предложения (короткие придаточные чаще модифицируют ПЗ, а в случае длинных придаточных распределение зависит от других факторов); 2) лингвистическая настройка (при разрешении неоднозначности человек склонен настраиваться на ту стратегию, которая является в языке наиболее частотной); 4) одушевленность существительных (при наличии в ИГ одушевленного и неодушевленного существительного одушевленное существительное выбирается чаще в любой позиции); 5) влияние контекста (после контекста, склоняющего к РЗ, будет больше предпочтений РЗ, и наоборот); 6) синтаксический прайминг (отмечена «преднастройка» на РЗ у 57% испытуемых после РЗ-прайма и у 46% испытуемых также «преднастройка» на РЗ после ПЗ-прайма); 7) класс глагольной вершины (т.е. некоторые предложения во всех экспериментах показали схожие результаты по критерию присоединения придаточного, в независимости от экспериментального

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, проект № 5819.2016.6 (руководитель – М.С. Власов).

условия); 8) тип предиката (предложения с глаголами чувственного восприятия и глаголы движения имеют большой процент РЗ, глаголы же, связанные с мышлением и интеллектом, – ПЗ); 9) осознаваемость / неосознаваемость испытуемым потенциальной неоднозначности (Юдина, Янович, Федорова 2007; Юдина, Федорова 2009; Юдина 2010). При контролировании данных факторов в ходе многочисленных психолингвистических опросов на материале русского языка обнаруживается приоритет РЗ при интерпретации синтаксически неоднозначных предложений.

Какова же специфика поиска вершины придаточной клаузы в подобных предложениях на монгольском языке?

Монгольский язык относится к языкам агглютинативного типа, с каноническим порядком слова типа SOV, поэтому в сравнении с русским или английским языком, где типичен правоветвящийся порядок слов в предложении (SVO), дерево синтаксических составляющих в монгольском предложении имеет левоветвящуюся структуру (зависимые составляющие предшествуют главным), косвенное дополнение обычно предшествует прямому дополнению (Janhunen 2006). Определительные придаточные клаузы в сложноподчиненных предложениях монгольского языка препозитивны, располагаются перед определяемым именем существительным и присоединяются к главной клаузе бессоюзным способом. Монгольский язык в связи с этим принято относить к языкам с постпозитивной вершиной придаточной клаузы (head-final language) (Batchuluun 2013; Munkhtsetseg 2017). То есть можно сказать, что структура монгольского сложноподчиненного предложения с двумя потенциальными вершинами определительной придаточной клаузы имеет иную, в отличие от русского или английского языка, линеаризацию, при которой дерево составляющих имеет точно такую же, но зеркальную структуру: предикат всегда располагается в конце предложения, а аргументы и адыюнкты предиката в линейной структуре предложения располагаются справа налево (по принципу «слуга предшествует хозяину»).

Еще одной особенностью синтаксической структуры сложноподчиненных предложений с определительными придаточными в монгольском языке является то, что вследствие отсутствия союзной связи главной и придаточной клауз анализ его синтаксической структуры вызывает дополнительные усилия для читающего. Так, дополнительную сложность в ходе синтаксического анализа может создавать перемещение границы между главной и придаточной клаузой в структуре предложения. Это своего рода второй вид синтаксической неоднозначности, называемый *ранним и поздним открытием придаточной клаузы* (early opening relative clause, late opening relative clause). Данное явление наблюдается и в других языках, в частности в японском (Hirose 2003). Примеры предложений на монгольском языке с ранним открытием придаточной клаузы (1) и поздним открытием придаточной клаузы (2) при позднем закрытии придаточной клаузы в обоих случаях (границы придаточной клаузы отмечены вертикальными линиями) приведены ниже:

(1)					
Петр	номонд	маш дуртай	хүүхдүүдэд	бэлэг	тарааж өгөв
Петр-Nom	книги-Dat	[которые] очень любят [дети]	детям-Dat	подарки-Асс	раздал
(2)					
Петр	ном	хайртай байсан	хүүхдүүдэд	өдөр бүр	бэлэглэдэг
Петр-Nom	книги-Асс	[которых] очень любил он [детей]	детям-Dat	каждый день	байв дарил

В первом случае (1) граница придаточной клаузы располагается непосредственно после подлежащего (*Петр*), а во втором случае (2) граница смещается после прямого дополнения (*ном*), поскольку порядок слов между субъектом и предикатом в монгольском предложении достаточно свободный и может быть связан с топикализацией какого-либо члена предложения, например, дополнения (Janhunen 2006: 170).

Таким образом, разрешение глобальной синтаксической неоднозначности в монгольском языке связано, по сути, с двумя типами неоднозначности определительной придаточной клаузы: ранним/поздним закрытием и ранним/поздним открытием. Это, несомненно, накладывает определенную трудность для читающего в выявлении вершины придаточной клаузы в условиях глобальной синтаксической неоднозначности, при которой выбор вершины уже диктуется не грамматикой, а иными лингвистическими и экстралингвистическими факторами.

Сравнительное исследование закономерностей разрешения синтаксической неоднозначности в русском и монгольском языках представляет собой интерес в плане выявления специфических механизмов данного процесса для языков с каноническим порядком слова типа SVO и SOV, с пре- и постпозитивной вершиной придаточной клаузы (Antinucci, Duranti, Gebert 1979).

Литература:

1. Юдина М.В., Янович И.С., Федорова О.В. Синтаксическая неоднозначность в эксперименте и в жизни // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции «Диалог 2007». М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 605-609
2. Юдина М.В. Референциальный контекст и синтаксическое наведение на факторы, влияющие на разрешение синтаксической неоднозначности: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.19. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010.
3. Юдина М.В., Федорова О.В. Разрешение синтаксической неоднозначности: эффекты прайминга и самопрайминга // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27-31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М.: РГГУ, 2009. С. 554-559
4. Antinucci F., Duranti A., Gebert L. Relative clause structure, relative clause perception, and the change from SOV to SVO // Cognition. 1979, Volume 7, Issue 2, 145–176. DOI: [https://doi.org/10.1016/0010-0277\(79\)90018-0](https://doi.org/10.1016/0010-0277(79)90018-0)
5. Batchuluun D. A contrastive grammar of Mongolian and English. Charis Storms & Brock David (Eds). Soyombo Printing Company, Ulaanbaatar. 2013. ISBN 99929-9-146-1
6. Janhunen J. Mongolic languages // Brown, K. (Ed.), The encyclopedia of language & linguistics. Amsterdam: Elsevier, 2006. P. 231–234.
7. Munkhtsetseg N. On the Mongolian Students' Difficulties in Acquiring English Relative Clauses, Due to Syntactic Structure Difference // At the Crossroads: Challenges of Foreign Language Learning. Second Language Learning and Teaching. Editors: Piechurska-Kuciel, Ewa, Szymańska-Czaplak, Elżbieta, Szyszka, Magdalena (Eds.). Springer International Publishing AG, 2017. P. 53–71. Doi: 10.1007/978-3-319-55155-5_4

Гетман А.А.

anastassia-email@mail.ru

Новосибирский военный институт войск национальной гвардии, НГТУ (Новосибирск)

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВЕРБАЛЬНОЙ И НЕВЕРБАЛЬНОЙ
СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В настоящее время коммуникативная реальность претерпела значительные изменения. Большинство исследований языковых феноменов проводятся в русле лингвистики с привлечением знаний из других наук – психологии, социологии, культурологии, философии, а также наук естественного и технического цикла. Невербальная составляющая играет важную роль в представлении информации. Как отмечает Г. Г. Слышкин, невербальная составляющая стремительно превращается из вторичного, подчиненного источника информации в равноправный компонент текста, не уступающий по значению словесному ряду (Слышкин 2004: 8). Следовательно, исследования потенциала вербального и невербального элементов креолизованных текстов являются актуальными, о чем также свидетельствует интерес со стороны лингвистов к этим языковым феноменам и большое количество работ по этой тематике.

СМИ выполняют функцию не только распространения информации, но и оказания воздействия на коллективное сознание. В определенной степени политический и массмедийный дискурсы пересекаются, имеют некоторые общие черты. А. Мольт говорит о том, что СМИ полностью контролируют культуру, выделяют из общей массы культурных явлений необходимые элементы, преобразовывают их и передают рецепиенту (Мольт 2008: 45).

Наличие в тексте элементов разных семиотических систем является креолизованностью (Слышкин 2004: 11). Креолизованный текст детерминирован в научной литературе как особый лингвизуальный феномен, текст, где вербальный и изобразительный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата (Анисимова 1992: 73). Креолизация текста есть инструмент коммуникации – привлечение и удержание внимания адресата, способов выражения смысловой организации текста (Корда 2013: 2). Большое количество текстов политического дискурса являются креолизованными. Тексты политического дискурса характеризуются наличием рисунков, фотографий, карикатур, таблиц, схем. Большое значение имеет выбор цветовой гаммы визуальной (невербальной) составляющей креолизованного текста в политическом дискурсе. В английской лингвокультуре в политическом дискурсе красный цвет (red) имеет строгую ассоциацию с коммунизмом, СССР, периодом Холодной войны. В настоящее время эта ассоциация перенесена на современную Россию и президента. Большое количество номеров англоязычных изданий журналов *The Economist* и *Time*, упоминая Россию, используют красный цвет в оформлении. Серый цвет (grey) ассоциируется с тайными делами политиков, черный (black) – с плохими новостями, несчастьями. Прагматический потенциал вербальной составляющей текстов политического дискурса реализуется посредством выбора слова, нужной коннотации, использования слов в необычных и переносных значениях, игры слов, неологизмов, аллюзий.

Литература:

1. Анисимова Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизированных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания, 1992. №1. С. 71-79.
2. Корда О. А. Креолизированный текст в современных печатных СМИ: структурно-функциональные характеристики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. Екатеринбург, 2013. 20 с.
3. Моль А. Социодинамика культуры: Пер. с фр. / Предисл. Б. В. Бирюкова. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 416 с.
4. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.

Го Ли Хун

Guolihong2477@126.com

Цицикарский университет (Цицикар), КемГУ (Кемерово)

ЗАИМСТВОВАНИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Язык, как зеркало действительности, изменяется вместе с обществом, с культурой. Все социальные изменения находят своё отражение в языке. В процессе развития общества неизбежно происходят языковые контакты, которые приводят к взаимовлиянию и взаимопроникновению разных языков, в результате чего появились, появляются и будут появляться много заимствованных слов.

В последние годы значительные потрясения в политической, экономической и общественной жизни России и Китая оказали сильное влияние на современный русский и китайский языки и привели к тому, что они, особенно ярусы их лексики, претерпевают большие изменения. Одним из этих значительных изменений является «бум» заимствованных слов.

Работа посвящена истории исследования заимствованных слов, конкретным причинам заимствования, способам образования и изучению состояния исследования заимствованных слов в китайском языке.

Разграничиваются понятия заимствованных слов, анализируются заимствованные слова с точки зрения социолингвистики, лингвокультурологии и стилистики.

Данная работа также посвящена изучению ассимиляции заимствованных слов в области фонетики, семантики и грамматики русского и китайского языков. Мы заметили, что на нынешнем этапе развития языка появилось такое явление, как усиление процесса заимствования.

Рассмотрены сферы употребления заимствованных слов.

В заключении доклада подводятся итоги результатов нашего сопоставительного анализа и предлагается перспектива исследования заимствованных слов.

Литература:

1. Володарская Э.Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания, 2002, №4. С.96-118.
2. Крысин Л.П. Заметки об иноязычных словах (планер, гексаген, имейл) // Русская речь, 2000, №3. С. 40-42.
3. Крысин Л.П. Русский литературный язык на рубеже веков // Русская речь, 2000, №1. С. 28-40.

4. Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания, 2002, №6. С. 27-34.
5. Семенов А.Л. Особенности лексических заимствований в китайском языке // Вопросы языкознания, 1997. № 1. С. 48-57.
6. Шагалова Е.Н. Иноязычные инновации в современном русском языке (лексикографический и социолингвистический аспекты) // Индивидуальные исследования в рамках научных организаций нового типа: проблемы и перспективы: Материалы конференции. Режим доступа: www.iriss.ru.
7. 孙汉军. 俄语外来词研究. 外语与外语教学, 2002 (11)
8. 张会森. 现代俄语的变化和发展. 北京: 人民教育出版社, 1999
9. 张会森. 俄汉语对比研究. 北京: 商务印书馆, 1999
10. 张会森. 从俄汉对比看汉语有什么特点. 外语学刊, 2001 (4)
11. 张会森. 对比语言学问题. 外语学刊, 1991. (5)

Горбуль Ю.А.

ug1709@mail.ru

Новокузнецкий институт (филиал) КемГУ (Новокузнецк)

ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ К ПОНЯТИЮ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ»

В современной науке сложилось два подхода к трактовке понятия «политический режим». Один из них связан с политико-правовым, или институциональным осмыслением, другой – с социологическим. В первом случае исследователи концентрируют свое внимание на формально-юридических, процедурных характеристиках реализации государственной и публичной власти, во втором – на ее социальных основаниях и происхождении.

Ученые, представляющее институциональное направление политического анализа, склонны связывать «режим» с характеристиками форм правления. Так, например, американский исследователь К. Бекстер определенно отмечает, что «политический режим есть система или форма правления»¹. К обозначенной группе политического анализа примыкают и неинституциональные разработки, которые зачастую связывают свое происхождение с именем американского ученого Г. Лассуэла, по словам которого «режим («форма правления», «политический порядок») представляет собой образец политических форм»². Такое политико-правовое понимание позволяет рассматривать его как особый методологический подход к осмыслению понятия «политический режим».

В рамках социологического направления трактовки политических режимов нередко понятие «режим» сопоставляют с понятием «система». Действительно, политика, политический процесс представляют собой динамическое единство, систему субъектов, позволяющую им реализовать имеющиеся у них способности и намерения. В данном случае режим рассматривается не только как «форма» (правления или государственного устройства) и не только как структура власти с

¹ Цит. по: Курскова Г. Ю. Политический режим Российской Федерации политико-правовой анализ: монография. М., 2008. С.137.

² Там же. С.138.

теми методами реализации политической воли, которые ей присущи, но и в гораздо более широком значении – как баланс, соответствие, имеющееся во взаимоотношениях социальных и политических процессов и явлений.

Таким образом, следует заключить, что при истолковании сущностных характеристик политического режима в науке сложилось два методологических подхода. Первый сводит политический режим к официальным и легальным формам управления, которые опираются на формально-юридические критерии функционирования государства, связанные с декларируемыми в конституции нормами права. Второй методологический подход рассматривает политический режим как особый способ управления обществом и акцентирует внимание на способах принятия политических решений и способах участия различных субъектов политики (элиты, лидеров партий, отдельных граждан и пр.).

Литература:

1. Ахиезер А.С. Методология социокультурного исследования переходных процессов (на материале России): дис. д-ра филос. наук. М., 1997. 185 с.
2. Курскова Г.Ю. Политический режим Российской Федерации: политико-правовой анализ. М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 295 с.
3. Шанин А.А. Политический режим: сущность, содержание и типология. Волгоград, 2002. 114 с.

Дегальцева Е.А. *, Разгоняева Е.В.

**katerina3310@yandex.ru*

БТИ (филиал) АлтГТУ им. И.И. Ползунова (Бийск)

ИГРОВЫЕ МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования третьего поколения кардинальным образом изменили ориентиры образования в высшей школе. Одной из наиболее значимых инноваций является перенос акцента с содержания образования на результаты обучения, которые описываются с помощью компетенций. Изменение направленности в образовании привело к постановке проблемы технологий и методов обучения, к внедрению и активному использованию активных и интерактивных форм обучения. Исследователи уверены: чтобы использовать эти формы обучения в высшей школе преподаватели сами должны обладать интерактивными и игротехническими компетенциями (Логинова 2016).

Игротехнические приёмы относятся к интерактивным методам и включают в себя самые разные игры: деловые, ролевые, организационно-деятельностные, коммуникативные и др. Игра как метод обучения направлена на воссоздание тех или иных практических ситуаций, активизацию отношений, развитие коллективных форм взаимодействия.

Использование преподавателем технического вуза разных игровых методик облегчает студентам усвоение гуманитарных дисциплин: истории, психологии, правоведения, философии, социологии, политологии. Игры активизируют мышление, способствуют формированию организованности, самостоятельности, ответственности, вносят дух творчества в ежедневную учебную деятельность, что

повышает как мотивацию к обучению, так и интерес к будущей профессиональной деятельности.

Игровые методики предполагают прямое эмоциональное взаимодействие с обучающимися, организацию командной работы, распределение игровых ролей. Преподаватель должен понимать для себя цели и задачи такого взаимодействия, формулировать проблему, осуществлять инструктаж и консультирование студентов для более эффективного проведения подобного рода занятий. Их результативность повышается вследствие создания на занятиях творческой атмосферы, использования креативного потенциала студентов, соперничества и работы в команде. Естественно, что игры нужно готовить, и это касается не только содержательного и методического компонента игры, но и подготовки студентов к такой форме проведения занятия.

Структура занятия может быть разной: студенческая аудитория разбивается либо на две большие группы, либо на малые группы, либо выбираются два ведущих игрока со своими группами поддержки. В любом случае преподаватель формулирует проблемную ситуацию, а обучающиеся сами могут выбрать задания и уровни сложности. При этом идёт сочетание фиксированных принципов работы и самоорганизации обучающихся.

При разбивке на малые группы в каждой из них выбирается модератор и эксперт, который оценивает другие группы. Тематическая маркировка групп требует специальной предварительной подготовки обучающихся. На таких занятиях мы видим прямую заинтересованность студента в усвоении материала, общение и взаимодействие в процессе учебной игры всей группы, соревновательность, работу на командный результат, который повышает в итоге и индивидуальный рейтинг.

Учебная игра может быть краткосрочной (одно занятие) и долгосрочной, продолжающейся, например, весь семестр.

Литература:

1. Логинова И.В. Коммуникативная и игротехническая компетентность преподавателя как условие реализации потенциала интерактивных методов обучения // Электронное обучение в интерактивном образовании, 2016, № 1(3). С. 761-765.

Жукова Т.В.

zukowat@mail.ru

АГГПУ им. В.М. Шукшина (Бийск)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ С КОМПОНЕНТОМ «ЖИВОТНОЕ» В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

В настоящее время все большую значимость приобретают антропоцентрические исследования, посвященные изучению взаимодействия языка, культуры и личности. Подобные работы помогают понять специфику национальной психологии, особенности «психического склада» того или иного народа. Материалом, на основе которого можно делать соответствующие выводы, являются фразеологические обороты. Именно фразеологический состав языка представляет собой систему образов, хранящих материальную, социальную и духовную культуру нации, отражает менталитет национальной языковой личности, ее психологию и культурологические ценности.

В данной работе предпринята попытка сопоставительного анализа фразеологических оборотов с компонентом «животное» в русском и тувинском языках для выявления культурно-национальных коннотаций, ассоциирующихся с наименованиями животных.

Механизм формирования фразеологизмов состоит в том, что сначала в мире возникает некая прототипная ситуация, т.е. ситуация, соответствующая буквальному значению фразеологизма. За такой ситуацией закрепляется содержание, которое затем переосмысливается, т.е. формируется образ фразеологической единицы на основе первичных значений слов в прототипной ситуации. Так возникает внутренняя форма, в которой содержится основная информация, связанная с культурой. Именно во внутренней форме фразеологизма наличествуют «следы» культуры – мифы, архетипы, обычаи и традиции, отраженные исторические события и элементы материальной культуры.

Анализ внутренней формы фразеологического оборота с тем или иным стержневым компонентом, именуемым животное, позволил представить обобщенный образ животного в русской языковой картине мира: *баран – тупость; белка – бережливость, запасливость, ловкость, быстрота; бык – сила, упрямство; волк – хищность, хитрость; ворона – одиночество, суетливость; гусь – важность, гордость; еж – запасливость; жираф – запоздалая реакция; заяц – боязливость, трусость, робость, пугливость; змея – злобность, ядовитость; индюк – спесивость, зазнайство; комар – аккуратность, надоедливость; козел – самодовольность, глуповатость; кобыла – сивая, старость; корова – бессмысленность, неуместность, нелепость поступков; конь – здоровье, резвость, сивый, усталость; кошка – блудливость, привязчивость; крыса – бедность, запасливость; крокодил – ложь, лицемерие; курица – невоспитанность, суетливость; лошадь – выносливость, здоровье, работящий; лев – бесстрашие, злобность, отважность, свирепость, смелость; медведь – смелость, сила, услужливость, косопалость; муха – неотвязчивость, приставучесть; мышь – кроткость, покорность, незаметность, шустрый; овца – беспамятность, блуд, скромность, послушность; осел – глупость, тупость, терпеливость; петух – звонкий, ранний; птица – ранний, важность; рак – непредсказуемость; рыба – свобода, молчаливость, мутность; свинья – откормленность, пухлость, пьянство; сельдь – теснота, пространство; собака –*

верность, игривость; червяк – неприглядная внешность человека; черепаха – медлительность; щука – активность.

В тувинском языкознании первые теоретические исследования фразеологизмов относятся к 60—70 гг. XX века. Нужно отметить, до сих пор очень мало сделано в сравнительном изучении тувинской фразеологии. Между тем эта проблема весьма актуальна. Изучение фразеологии тувинского языка было вызвано интенсивным ростом исследований русской фразеологии, которые повлияли и на характер изысканий, максимально приблизив их к проблематике русских фразеологизмов.

Вопросы тувинской фразеологии впервые стали предметом исследования в трудах видного исследователя тувинского языка Я.Ш. Хертека. По его мнению, человек никогда не «обходился» без животных. Образы животных широко представлены во фразеологизмах многих языков. И это не случайно. Ведь животные всегда играли значительную роль в жизни людей. С древних времён они живут в тесном взаимодействии друг с другом. Поэтому их образы занимают прочное место в построении фразеологических единиц каждого развитого языка. Фразеологические обороты — важнейший «строительный материал» языка. Они могут служить для обозначения предмета, действия и состояния, признака действия. Фразеологизмы, содержащие в своём составе наименования животных, представляют собой большой слой лексики и обладают высокой употребительностью у разных народов.

Символы — названия животных у многих народов совпадают, но вместе с тем у каждого народа своя система символов и своё отношение к различным животным.

Из тувинских исследовательских работ выявлено 12 фразеологических единиц со стержневыми компонентами: *Баран, Лошадь, Собака*. Фразеологические обороты с компонентом «животное» в тувинском языке именуют чаще всего человека со следующих позиций (по частотности): как разумное существо: *собачий приступ* (тув. *ыды кирер*) - заупрямиться; как общественное существо: *сытая собака на хозяина лает* (тув. *тоткан ыт ээзин ээрер*); как живое существо: *голова лошади дернулась* (тув. *аъттаны берген, аъдының бажы хоя берген*) – о смерти человека.

В тувинском языке в основном употребляются фразеологизмы с компонентом «лошадь», «баран», «собака». Для тувинца «лошадь» – это глубоко почитаемое животное, без которого невозможно представить жизнь кочевника. По результатам данного исследования можно сказать, что лошадь является первым помощником, другом, которому доверяют тувинцы. Лошадь – трудолюбивое и сильное животное. Несмотря на то, что собака для тувинца – скотовода, для чабана, пастуха была и есть верным помощником, другом в тувинской фразеологии, все же собака характеризуется и с отрицательной стороны, например: *Ыдынын кежин андара кедер* - упрямый человек, *ыттан эрттирер* — обманывать, *ыт думчуу борбаннатпас* — не будь жадным, *ыды кирер* — заупрямиться, *тоткан ыт ээзин ээрер* — сытая собака на хозяина лает (о неблагодарном человеке) и т. д. У тувинцев лексема «баран» используется тогда, когда говорят о покладистом, тихом характере по отношению к человеку (*чыткан хой тургуспас, (лежастью овцу не потревожит)* — тихий, скромный человек).

Несомненно, фразеологический состав языка представляет собой весьма ценное лингвистическое наследие, потому что именно в нем отражаются культурно-историческое мировоззрение народа, его культура, обычаи, традиции, а фразеологизмы русского языка – «кладёзь премудрости» народа, сохраняющий и воспроизводящий его менталитет, его культуру от поколения к поколению.

Различие фразеологических единиц разных народов определяется религией и историей, обычаями и традициями, природными условиями и ценностными системами конкретной нации. Национальное своеобразие мировосприятия той или иной этнокультурной общности коренится в образе жизни и психологии народа, отраженных в языке семантической структурой языковых знаков.

Литература:

1. Буслаев Ф.И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные. М.: А. Семена, 1854.
2. Бабкин, А.М. Русская фразеология. Ее развитие и источники. Л.: изд. «Наука», 1970.
3. Гумбольдт В.О. Избранные труды по языкознанию. Москва, 1984.
4. Ларин Б.А. Очерки по фразеологии / Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. Учен. зап. ЛГУ, №198, серия филол. наук, вып.24. 1956.
5. Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. М.: Высшая школа, 1990.
6. Хертек Я.Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь. Кызыл.: Тув.кн. изд-во, 1975.
7. Хертек Я.Ш. Фразеология современного тувинского языка. Кызыл, 1978.
8. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, парадигматический и лингвокультурологический аспекты. Москва, 1996.
9. Телия В.Н. Культурно – национальные коннотации фразеологизмов. Славянское языкознание. XI международный съезд славистов. Москва, 1993.
10. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно – оценочная функция. Метафора в языке и тексте. Москва, 1988.
11. Телия В.Н. Коннотативный аспект семиотики номинативных единиц. Москва, 1986.

Жукова Т.В.

zukowat@mail.ru

АГГПУ им. В.М. Шукшина (Бийск)

К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКСНОМ ИССЛЕДОВАНИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ

Современный подход к изучению семантики слова основан на предположении, что значение слова представляет собой сложную структуру, называющуюся семантической структурой слова или структурой лексического значения слова и включает в себя целый ряд составляющих (компонентов). В структурном подходе к лексическому значению в современной семасиологии И.А. Стернин выделяет три основных направления (Стернин, Рудакова 2011: 60). Первое направление (Апресян 1995, Гак 1973 и др.) исходит из однородности лексического значения и «выделяет в структуре значения семантические компоненты одной степени сложности». Представители «второго направления» (см. работы И.В. Арнольд, Р.С. Гинзбург) считают, что лексическое значение неоднородно и в нем выделяются «семантические блоки» разного уровня иерархии, которые отражают различный характер информации, передаваемой словом». Сторонники «аспектного» направления вычленивают в значении разные аспекты (типы информации, слои, компоненты – сигнификативный, денотативный, лексический, грамматический, коннотативный, прагматический, структурный, синтагматический, культурно-исторический, социальный, лингвострановедческий, фоновый, ассоциативный и др.), отражающие

разные стороны значения и его проявления в системе языка и в речи (см. работы Комлева 1969; Девкина 1979, Белявской 1987 и др.). Традиционно лексикологи в своих исследованиях описывают значения слов в опоре на словарные дефиниции толковых словарей, исследуя лексикографическое слово. Исследование коммуникативного потенциала слова (анализ слова в контексте) всегда выявляет семы, которые не входят в словарное толкование. Психолингвистический анализ семантики слова еще более усложняет проблему описания семантики лексической единицы: значение, выявляемое психолингвистическими экспериментами, практически всегда оказывается намного объемнее и глубже, чем его представление в традиционных толковых словарях. Это и позволяет говорить о разных объемах представления значения в разных исследовательских парадигмах и разных типах словарей.

Как считает И.А. Стернин, «необходимо терминологически разграничить два типа значений – значение, представленное в толковом словаре, и значение, представленное в сознании носителя языка. Значение, фиксируемое в словарях, создается лексикографами (лексикографическое слово)». Лексикографическое значение можно рассматривать как совокупность основных, ядерных сем значения», отражающих его основное содержание (Стернин 1985: 43).

Экспериментальное описание семантики языковых единиц дает возможность представить содержание слова как некоторую «психологическую реальность» (психологическое значение), выявить такие семантические компоненты, которые не фиксируются другими методами и приемами семантического анализа словарей. Поскольку многие семантические признаки слова, не фиксируемые словарными дефинициями, регулярно проявляются в определенных контекстах употребления слова, целесообразно исследовать его контекстное употребление (коммуникативное значение (потенциал)).

Под коммуникативным потенциалом слова понимается «все, что обуславливает готовность его участвовать в общении в качестве элемента высказывания – носителя определенного кванта знания и прагматического заряда, т.е. основные лингвистические параметры слова, его связь с другими лексическими единицами, предметно-логическая соотнесенность, тематико-ситуативные и оценочно-прагматические связи» (Стернин 1985: 20). С целью выявления коммуникативного потенциала лексической единицы возможна выборка контекстов с искомой лексемой из Национального корпуса русского языка.

Возможность комплексного исследования семантики лексической единицы (в системоцентрическом и антропоцентрическом аспектах) представляется актуальным, позволяет выявить семантический потенциал лексемы в русской языковой картине мира и говорить о ее концептном (энциклопедическом) значении).

Литература:

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Языки русской культуры, 1995. 464 с.
2. Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск: ТГУ, 1992.
3. Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1973. 410 с.
4. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. Спб.: Питер, 2000. 190 с.

5. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Воронежский ун-т, 1985. 138 с.
6. Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. М., 2011. 192 с.

Исаева И.П.

isaeva_ip@inbox.ru

АГГПУ им. В.М. Шукшина (Бийск)

АНАЛОГИЯ В ИНТЕРПРЕТАТИВНОМ ОСМЫСЛЕНИИ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

Аналогия является когнитивным механизмом, который организует процесс человеческого мышления (Gentner 1998: 107). В целом, аналогия играет важную роль в порождении новых смыслов, которые находят свою экспликацию в сфере образности, где представлено перенаименование признаков в результате их сравнения. Когнитивная природа аналогии позволяет установить сходства двух различных сущностей и, используя ассоциативный ряд, обозначить новое через известное (Рахматуллаева 2016: 1 – 4).

В основе процесса перехода имени собственного в нарицательное лежит семантическая аналогия. Имена известных героев и исторических лиц переносятся на другое лицо по общности их характеристик: проводится аналогия между двумя сравниваемыми лицами по выделенным характеристикам.

Семантическая аналогия в процессе перехода имени собственного в нарицательное предполагает реализацию нескольких когнитивных процедур: унификация, эталонизация, генерализация и абстрагирование. Данные процедуры предполагают оперирование ментальными структурами посредством переноса разного объема релевантного знания с прототипа на субъект сравнения.

При унификации в исходном образе сознанием выделяется одна характеристика, которая становится основанием для номинации нового субъекта аналогичным способом. В данном случае в основе подобного наименования лежат универсальность знаний о той или иной яркой характеристике прототипа и одновекторный перенос данного знания с прототипа на субъект (см. пример (1)).

(1) *Women flock to Hugh. He's like Austin Powers: everyone worships him* (Mag: People, 2015).

Эталонизация предполагает вычленение нескольких характеристик в прототипе с параллельным переносом каждой на субъект новой номинации (см. пример (2)).

(2) *The north facade in particular is dull, and maybe the white baffles and glass panes are a bit too Steve Jobs, yet the building has turned out to be far more legible upon completion* (Mag: New Republic, 2015).

Генерализация базируется на поливекторном переносе знаний о целостном образе из одной ментальной сферы в другую, с использованием уже известного имени для номинации иного субъекта. Изначально нерасчлененный образ при сравнении расщепляется на доминирующие смыслы, детализируя образ нового субъекта (см. пример (3)).

(3) *Glamour magazine has named Dr. Hawa Abdi woman of the year, saying she is «equal parts Mother Teresa and Rambo»* (Mag: Christian Century 2011).

При абстрагировании исходные смыслы переносятся в новое ментальное пространство, обособляясь от прототипа, что на уровне знака репрезентируется через использование имени собственного с неопределенным артиклем (см. пример (4)).

(4) *And she once was branded a Mata Hari by her own people, who feared she was posing as a clever Israeli spy* (Mag: Esquire, 2008).

Литература:

1. Gentner D. Analogy // A Companion to Cognitive Science / W. Bechtel and G. Grahams, Eds. Malden, MA: Blackwell Publishers, 1998. P. 107-113.
2. Рахматуллаева Н.Г. Когнитивные основания структурно-семантической аналогии во фразеологии английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 2016. 24 с.

Керексибесова У.В.

kereksibesova@gmail.com

КемГУ (Кемерово)

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СИНОНИМИИ В РУССКОМ, КИТАЙСКОМ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ «ГЛУПЫЙ»

В данной работе рассматривается концепт «глупость» и его синонимы в русском, алтайском и китайском языках. Через концепт «глупость», обозначающий отрицательную черту характера человека в разных лингвокультурах, рассматривается то, как реализуются фоновые знания в пословицах, поговорках и устойчивых выражениях, связанных с этим концептом. Культурные ценности того или иного народа представлены в его языке. Фоновые знания, которые заложены в концепте «глупость», наиболее ярко выражают особенности культуры, ценностей и уклада жизни определенного народа. За одинаковыми значениями в разных языках стоят разные ассоциации, «отягощенные» национальными особенностями жизни народа. Из-за различий в укладе, образе жизни того или иного народа представления об одинаковом явлении у конкретных этносов оказываются достаточно специфичными.

Как известно, этнолингвистика изучает воплощенные в живом национальном языке и проявляющиеся в языковых процессах элементы материальной и духовной культуры.

Система образов, которая заложена во внутренней форме слова, в фразеологизмах, пословицах и поговорках, является отражением специфики культурных традиций каждого народа.

Люди, говорящие на разных языках, познают мир, категоризуя его. Но категоризация у каждого народа своя, особенная. Это мы рассмотрим на основе синонимии в русском, китайском, алтайском языках.

«Глупость» является негативным качеством человека в разных лингвокультурах и осуждается представителями русского, китайского и алтайского этносов. Рассмотрев синонимы к слову «глупый», мы выяснили, что каждый народ кроме негативного оттенка вкладывает свое индивидуальное значение, основанное на привычках, обычаях и традициях своего народа. Это мы рассмотрели во внутренних смыслах синонимов к слову «глупый». Кроме этого, мы выявили особенности семантики синонимов, рассмотрев устойчивые выражения, связанные с глупостью.

Литература:

1. Апресян Ю.Д. Языковая картина мира и системная лексикография. М.: «Языки славянских культур», 2006. 912 с.
2. Араева Л.А. Словообразовательный тип. М.: Либроком, 2009. 272 с.
3. Араева Л.А. Одна из самых загадочных сфер языка (к вопросу о словообразовательно-пропозициональной синонимии // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В. Е. Балли Ш. Французская стилистика / Пер. с франц. М., 1961. 394 с.
4. Гумбольдт В. Фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. 369 с.
5. Евгеньев А. П. Словарь синонимов русского языка. Л.: «Наука», 1970. 1385 с.
6. Ильичёв Л.Ф. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. 840 с.
7. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. М.: «Тетрасистемс», 2004. 266 с.
8. 新华字典，商务印书出版社：2001

Липустина О.М.

lipustina_o@mail.ru

АГТПУ им. В.М. Шукшина (Бийск)

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ
ВЫСОКОЧАСТОТНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Материалом данного исследования послужили англоязычные словари. При помощи метода сплошной выборки был проанализирован уровень распространенности полисемантических прилагательных в английском языке. При работе с материалом исследования отмечалось два рода трудностей: 1) отграничение прилагательных от слов других частей речи; 2) разграничение полисемантических и моносемантических прилагательных.

Из анализа были исключены:

1. Слова, которые представляется некорректным рассматривать в качестве прилагательных: существительные в атрибутивной функции, порядковые числительные, некоторые местоимения, слова категории состояния.

2. Слова, которые относятся к нелитературной и специальной литературно-книжной лексике, в том числе и термины.

Известно, что лексико-семантические варианты (далее ЛСВ), или значения слов, могут характеризоваться неодинаковым положением в составе семантической структуры: одни являются основными, главными, другие – второстепенными. Языковой статус ЛСВ детерминирован определенными факторами или статутными признаками (Никитин 1983). Вслед за И.М. Деевой на материале высокочастотных прилагательных выделяем пять типов ЛСВ (Деева 1988). В основу этой классификации положена возможность/невозможность сочетаться с существительными разных разрядов, выделенных И. В. Арнольд (Арнольд 1966).

1. *ЛСВ неограниченно широкой семантики* могут сочетаться с существительными, представляющими практически все разряды. Данная группа немногочисленна и ограничивается, в основном, чисто оценочными ЛСВ: *good, bad, fine, wonderful, pleasant, gorgeous, terrible*. Например: *good girl, dog, people, time, jacket, idea*.

2. *ЛСВ широкой семантики* могут сочетаться с существительными 3–4 разрядов. Эта группа содержит ЛСВ со значением цвета, размера, температуры, временных

характеристик и некоторые другие, например: *green, white, black, yellow, large, little, small, old, early, late, cold, hot, cool, warm, lovely, future, next, beautiful*, например: *white flower, snow, salt, milk; cold water, weather, wind*.

3. ЛСВ *ограниченной семантики* характеризуются диагностирующими наборами, охватывающими слова одного, реже двух разрядов. Выделить специфические семантические группы не представляется здесь возможным. Например: *busy (of places): filled with active people, traffic, etc.; fast (of person): immoral; blue (of talk, film, etc.): indecent or profane; close (of a room, etc.): unventilated; fat (of animal): made plump for slaughter, fattened; big: advanced in pregnancy (esp. of animal)*.

4. ЛСВ *узкой семантики* имеют определенные численно ограниченные наборы, которые отражаются в словарях и, как правило, включают слова-представители не всего разряда в целом, а той или иной лексико-семантической группы. Очертить семантические рамки ЛСВ узкой семантики, как и в предыдущей группе, невозможно. Например: *dry (of wine, etc.): free from sweetness; busy (of telephone number): engaged; bright (of colour): intense shining; high (of meat): beginning to go bad; high (of time): far advanced, fully reached; fast (of clock, etc.): showing too advanced time*.

5. ЛСВ *единичной семантики* не связаны с какими-либо определенными семантическими группами. Они могут сочетаться с 1-2 словами, в значительной степени смыкаясь с устойчивыми единицами нефразеологического или фразеологического характера, например, *open (of ears): eagerly attentive; open (of mouth): with lips apart in voracity, frankness, etc. or esp. in gaping stupidity or surprise; light (of sleep): easily disturbed, not profound; fast (of photographic film): needing only short exposure; free (of translation): not literal; dry (of shampoo): for use without water*.

Тщательно проанализировав типы ЛСВ, предложенные И.М. Деевой, мы пришли к выводу, что границы между выделенными группами не всегда прослеживаются абсолютно четко, поэтому считаем целесообразным объединить ЛСВ ограниченной семантики с ЛСВ узкой семантики, так как и в той и другой группе невозможно выделить семантические рамки ЛСВ.

Итак, получаем:

1. ЛСВ неограниченно широкой семантики;
2. ЛСВ широкой семантики;
3. ЛСВ узкой семантики;
4. ЛСВ единичной семантики.

Анализ словарных дефиниций высокочастотных прилагательных с целью выявления оппозиции конкретные – абстрактные значения показал, что номинативные значения могут носить конкретный или абстрактный характер, причем, как и в словах других частей речи, наиболее типично развитие от конкретного к абстрактному, например: *sweet: tasting like sugar or honey; highly agreeable or attractive or gratifying, inspiring affection, etc.* (КОС). При этом номинативные значения являются прямыми, а развившиеся на их основе ЛСВ абстрактного характера – переносными.

Подводя итог, можно констатировать, что типология ЛСВ высокочастотных прилагательных английского языка характеризуется по ряду параметров, которые могут находиться в различных взаимоотношениях. В семантическом аспекте высокочастотные прилагательные, по преимуществу, слова-полисеманты, обладают высокоразвитой семантической структурой и представляют большой лингвистический интерес.

Литература:

1. Большой Оксфордский словарь. Oxford – Moscow, 1999.
2. Арнольд И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. Л., 1966.
3. Деева И.М. Полисемия и моносемия в сфере английских прилагательных. Ленинград: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1988. 69 с.
4. Никитин М.В. Лексическое значение слова: Структура и комбинаторика. М., 1983. С. 48-59.
5. Учебный словарь современного английского языка / под ред. Хорнби А.С. М., 2000.
6. Cambridge International Dictionary of English, Cambridge University Press, London, 2001.
7. Macmillan English Dictionary, version 1.0.

Попова О.В. *, Романова Л.А.

*pov@bigpi.biysk.ru

АГГПУ им. В.М. Шукшина (Бийск)

ИМИТАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ ИННОВАЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Начиная исследование по проблемам стратегии и тактики имитационного моделирования в педагогических системах инновационного обучения, мы должны определиться с терминологическим полем. Считаем, что основным базовым определением нашего исследования является определение *имитационного педагогического моделирования*. С нашей точки зрения, это метод исследования и практика реализации, основанные на том, что изучаемая педагогическая система заменяется имитирующей. С имитирующей системой педагог проводит эксперименты (не прибегая к экспериментам на реальном объекте) и в результате получает информацию об изучаемой педагогической системе. Метод позволяет имитировать, например, работу моделей бизнес-процессов так, как эти процессы происходили бы в действительности, с учетом графиков рабочего времени и занятости временных ресурсов, а также наличия необходимого количества материальных ресурсов. В результате можно оценить реальное время выполнения как одного процесса, так и заданного их множества.

Процесс инновационного обучения с применением имитационного педагогического моделирования базируется на позициях кибернетической педагогики (Майер 2014), рассматривается как регулирование развития личности путём целенаправленного управления и (или) самоуправления их деятельностью и поведением. В обучении с позиций кибернетической педагогики понятия и методы кибернетики используются для моделирования и исследования некоторых сторон педагогических и психолого-педагогических процессов. При этом кибернетические принципы функционирования дидактической системы, на моделирование которой и направлено имитационное педагогическое моделирование в инновационном обучении, не могут быть успешными без адаптивного подхода, учитывающего особенности, потребности и возможности обучаемого, возможности образовательного пространства и собственно педагога и конечно же потребности социума (Попова, Ткаченко, Романова 2015).

Использование процессов имитационного моделирования в педагогических системах инновационного обучения в настоящее время особенно актуально, так как в

образовании в целом (и в профессиональном в особенности) реализуется электронное обучение и дистанционные образовательные технологии. Электронные системы, электронные средства обучения, ЭВМ являются важнейшим техническим средством при моделировании инновационных педагогических систем. В основе такого имитационного моделирования лежит функциональный подход кибернетики к изучаемым ею процессам управления. Так как кибернетика интересуется не внутренним устройством систем управления, а законами их функционирования, то можно на ЭВМ создать модель информационно-кибернетической дидактической педагогической системы, подобную изучаемой (в смысле подобия законов функционирования). Моделирование информационно-кибернетических систем на ЭВМ позволяет определить все основные свойства и параметры системы до ее реального создания. Это существенно сокращает трудозатраты, позволяет выявить все возможные риски и опасности, а также оптимизировать процессы внедрения и реализации.

Литература:

1. Майер Р.В. Кибернетическая педагогика: имитационное моделирование процесса обучения. Глазов: Глазов. гос. пед. ин-т, 2014. С. 141.
2. Попова О.В., Ткаченко Е.Н., Романова Л.А. Адаптивное профессиональное образование для реализации социально–профессионального заказа и управляемой социализации личности // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 5. Режим доступа: URL: <http://www.science-education.ru/128-22063>

Радевич В.В.

valentina.radevich@yandex.ru

Новосибирский военный институт войск национальной гвардии (Новосибирск)

ОРГАНИЗАЦИЯ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ СМИ

Манипуляция как процесс воздействия на человека или группу людей совершенствуется на протяжении веков. И в 21 веке «наука воздействия на сознание» привлекает внимание всё большего количества лингвистов, политологов и психологов. В современном информационном пространстве мы можем наблюдать разного рода политические, экономические и социальные конфликты, язык становится средством управления, воздействия и влияния на социальные массы.

В данной работе мы используем определение Е.Л. Доценко, который относит манипуляцию к виду психологического воздействия, искусное исполнение которого ведёт к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями (Доценко 2000).

Манипуляцию порождает ситуация, когда присутствует внешняя для коммуникации цель и отсутствует ее открытое объяснение-предложение для всех участников коммуникации. Процесс манипуляции проходит три этапа: подготовительный, аттракционный и перлокутивный. На перлокутивном этапе манипулятор использует определённую манипулятивную стратегию. Под манипулятивной стратегией понимается последовательность определённых речевых

действий, направленных на реализацию интенций говорящего. Эффективность воздействия зависит от выбранной стратегии манипуляции.

Стратегия манипуляции реализуется посредством речевых тактик и приёмов. Манипулятивная речевая тактика представляет собой речевое действие, реализуемое посредством языковых лексико-синтаксических средств, соответствующее определённому этапу в реализации манипулятивной стратегии и направленное на скрытое внедрение в сознание адресата оценочной манипуляции целей и установок, побуждающих его совершить поступок, выгодный манипулятору (Копнина 2010).

При лингвистическом анализе выступлений президентов Соединённых Штатов Америки Джорджа Буша (младшего), Барака Обамы и Дональда Трампа был выявлен ряд манипулятивных стратегий и тактик, их реализующих. В числе самых распространённых нами были выявлены фрустрационная стратегия (Катенева 2010) и стратегия управления. Первая реализуется посредством тактики эмоционального давления и психологического приёма создания проблемы, тактики обещания. Вторая – через тактику присоединения, психолингвистический механизм «канал межличностной коммуникации «лицом к лицу» и тактику разъяснения.

Литература:

1. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, изд-во МГУ, 2000.
2. Катенева И.Г. Механизмы и языковые средства манипуляции в текстах СМИ (на примере общественно-политических оппозиционных изданий): автореф. дис. ... доктор. филол. наук. Новосибирск, 2010.
3. Копнина, Г.А. Речевое манипулирование: учеб. пособие. М.: Наука, 2010. 176 с.

Тарбастаева И.Н.

inna-tarbastaeva@yandex.ru

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАВА ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ: «ЗА» И «ПРОТИВ»

Идеи коллективной правосубъектности в академических кругах встречают острое сопротивление. Существенную роль здесь играет стремление интеллектуальных кругов ориентироваться на западную социальную науку в лице П. Бурдьё, Р. Брубейкера, Ф. Барта и других, в том числе на предложенную ими западную модель этничности, которая принципиально отличается от отечественной. На наш взгляд, позицию оппонентов можно свести к трем моментам: 1) отрицание качественного своеобразия этнической общности как целого, видение в ней лишь совокупности различных индивидов, объединенных по этническому признаку (Осипов 2002); 2) отказ в правосубъектности на основании отсутствия ее деликтоспособности (Южанин 2012); 3) утверждение антагонистичности этнической правосубъектности правам человека (Филиппов 2003).

Данным представлениям можно противопоставить ряд аргументов. Во-первых, представляется правомерным отказ от редукционизма в пользу методологического принципа, согласно которому «целое больше его частей», то есть целое обладает качественно новыми системными свойствами и способно к правосубъектности. Системными свойствами обладает этническая культура, функционирующая только в

пределах группы и не репрезентирующая в полном объеме в конкретном человеке. Кроме того, этническая общность – одна из разновидностей социальных общностей: отрицая системные свойства у нее, тем самым отрицается существование данного типа социальных общностей как целостностей в принципе. Во-вторых, отсутствие деликтоспособности этнической общности не может являться основанием для отказа в ее правах. В-третьих, проблема соотношения коллективных и индивидуальных прав отчасти вызвана широкой популярностью современной концепции прав человека. В ее трактовке индивид представлен как независимая единица бытия, требующая покровительства своего личного пространства не только у государства, но и международного сообщества. Такой подход представляется не совсем адекватным действительности. Даже в рамках либеральной доктрины, несмотря на ее выраженную индивидуалистическую позицию, все же содержатся авторитетные теории, доказывающие значимость коллективных прав. Это известные идеи Ч. Тэйлора («политика признания»), У. Кимлика («политика групповых прав») и др.

Литература:

1. Осипов А. Г. Являются ли групповые права необходимым условием недискриминации и защиты меньшинств? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. М.: ИЭА РАН; Институт философии РАН, 2002. 356 с.
2. Южанин М. А. Социально-правовая концепция «коллективных прав» этносов // Социология власти, 2012, № 1. С. 202–211.
3. Филиппов В. Р. Критика этнического федерализма. М.: ЦЦРИ РАН, 2003. 379 с.

Трофимова Е.Б. *, Трофимова У.М. *, Одончимэг Т. **

* eltrofimova@mail.ru

* АГГПУ им. В.М. Шукшина (Бийск)

** Ховдский государственный университет (Ховд)

СТРАТЕГИИ ОПОЗНАВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НОСИТЕЛЯМИ МОНГОЛЬСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ПРОЕКТА¹

Представляемый проект направлен на исследование процессов метафорической интерпретации деавтоматизированных образных выражений, в роли которых выступают пословно переведенные идиомы иностранного языка (русские для монгольских носителей, монгольские – для русских). В качестве основной исходной задачи выступал экспериментальный анализ процессов восприятия иностранных фразеологизмов в буквальном переводе. Однако по ходу исследования мы были вынуждены затронуть целый ряд фундаментальных проблем современной фразеологии и когнитивистики.

К таким проблемам необходимо отнести модели хранения и переработки идиом в ментальном лексиконе. Вопросы буквальной, одновременной или идиоматической обработки фразеологизмов остаются открытыми (Трофимова и др. 2015), но все три

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ и Министерства образования, культуры, науки и спорта Монголии, проект № 15-2403001 «Стратегии опознавания иноязычных фразеологизмов носителями монгольского и русского языков».

модели так или иначе проявляются в ходе наших психолингвистических экспериментов. Серьезной проблемой является установление межъязыковых аналогов. Фразеологизм имеет многомерную структуру (значение, образ, оценочность, синтаксическая модель, денотативная область и т.д.) (Баранов, Добровольский 2009) и по каждому из аспектов в лексикографических аналогах могут обнаруживаться сдвиги, которые могут быть выявлены только в ходе скрупулезного анализа, опирающегося на совокупность методов – анкетирование, корпусный анализ, психолингвистический эксперимент.

Установление эквивалентности разноязычных фразеологизмов базируется на лексикографических данных, однако словари фиксируют не только актуальные, но и устаревшие и малочастотные фразеологизмы. В результате в русско-монгольский словарь Чой Лувсавжана (единственный более или менее авторитетный источник в этой области, изданный в 1970 году) в качестве фразеологизмов попадают выражения *административный восторг*, *аркадская пастушка*, *белые мухи*, *веревка плачет* и т.д. Проблема актуальности кодифицированного фразеологизма изучалась как на материале русской, так и монгольской фразеологии путем дополнительного анкетирования. Было обнаружено, что эволюция фразеологии подчиняется общезыковому принципу экономии, что приводит к вытеснению на периферию громоздких, многословных фразеологизмов, таких как пословицы и крылатые выражения. Осуществляется также смена набора этических сфер, фиксируемых фразеологизмом: так, идеи 'неблагодарности', 'избыточной похвалы' становятся неактуальными, идеи 'лени' и 'вражды' сохраняют свою актуальность. Например, восприятие монгольского фразеологизма *тэжээсэн бяруу тэрэг эвдэх* (букв. *вскормленный теленок разрушит тележку* 'о неблагодарности'), имеющего достаточно прозрачную внутреннюю форму, монгольские носители языка нередко интерпретируют через оценку ситуации: *сказать при гневе, обижать, не хочет помогать*, для русских информантов более значимым являются признаки 'силы' и 'питания' (если вкладывать силы, то всё получится (при сравнении), здоровый человек может выполнить любую работу, делать больше, чем нужно). В обоих случаях идея 'неблагодарности' нивелирована.

При восприятии неавтоматизированной идиомы (фразеологического агнонима, пословно переведенного фразеологизма) номинативная природа выражения заменяется предикативной, интерпретация которой может акцентировать различные стороны ситуации: например, при восприятии фразеологизма *гудамж метрлэх* (букв. *измерять метром улицу*) для носителей монгольского языка в семантический фокус попало 'бесцельно идти', для носителей русского - 'бездельничать, бить баклуши', однако в обоих случаях второе значение подразумевалась, в частности, в монгольском языке идиома используется как упрек младшему поколению в ничегонеделании.

Проведенные психолингвистические эксперименты на восприятие идиом, данных в пословном переводе, показали в качестве универсальных стратегий восприятия опору на лексический компонент, межъязыковую образность, синтаксическую структуру. При интерпретации значения и установления фразеологического аналога наиболее значимым фактором является совпадение синтаксической структуры (монг. *өөх ч биш, булчирхай ч биш* букв. *ни жир, ни жилы* - русск. *ни рыба ни мясо*). Как синтаксическая структура, так и актуальный лексический компонент могут служить дестабилизирующим образное восприятие фактором. Например, монг. *алганы хонхорхой хазах* букв. *укусить ямочку ладони* 'о

трудном, невозможном деле' большинство русских носителей связали с русским фразеологизмом *кусать локти*.

Восприятие деавтоматизированного образного выражения осуществляется по разным моделям в случае возможности подбора аналога и невозможности подбора: 1. установление аналога (на основе синтаксической структуры и лексического компонента) → значение и этическая оценка; 2. образная интерпретация (на основе межъязыковой образности) → денотация → значение → оценка. Предварительный анализ показал зависимость метафорического восприятия от возраста и образования информантов (носители старшего возраста тяготеют к буквальной интерпретации). На данном этапе сложно говорить о влиянии гендерного фактора на выбор стратегий восприятия идиом.

Литература:

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания, 2009, № 6. С. 21-34.
2. Трофимова У.М., Трофимова Е.Б., Власов М.С., Одончимэг Т. Монгольские фразеологизмы в зеркале межъязыковой образности // Central Asian Journal of Basic and Applied Research, 2015, № 4. С. 4-18.
3. Чой Лувсанжав. Орос монгол овормоц хэллэгийн толь. Улан-Батор, 1970. 639 с.

Файзуллаева Е.Д.

elenfaiz@mail.ru

ТГПУ (Томск)

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОЦЕДУРА ПО РАЗВИТИЮ У СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОТКРЫТОСТИ К САМОМУ СЕБЕ, СВОЕМУ ОПЫТУ

Открытость к самому себе, своему опыту рассматривается нами в качестве рефлексивных умений человека аналитично-оценочно относиться к событиям, явлениям собственной жизнедеятельности, осознавать изменения, происходящие в себе, благодаря влиянию практики, и в практике, благодаря влиянию человека (себя) на практику. Исследовательская процедура по развитию у студентов педагогического университета открытости к самому себе, своему опыту представляет собой определенный комплекс познавательных средств и приемов, а также конкретные аспекты организации исследовательской деятельности в процессе реализации образовательного процесса, актуализирующего рефлекссию. Организационно это осуществляется в рамках дисциплин «Рефлексивная деятельность педагога», «Психолого-педагогический практикум».

Рефлексивные образовательные формы исследования себя в практике. Методика «Карта вопросов» направлена на выявление интереса студентов к конкретным тематикам дисциплины, а также их направленность в познавательном процессе. Педагог работает с выявлением интересов каждого студента и их согласованием в группе. Моделирование ситуаций с их последующим обсуждением в группе направлено на включение студентов в конструирование педагогической реальности и управление возможными вариантами событий, развитие прогностической рефлексии. Практика решения профессиональных задач и

аналитических заданий, кейсов, приобретение опыта их составления направлена на развитие рефлексивного педагогического мышления. *Написание рефлексивных текстов* направлено на развитие самоанализа практического опыта квазипрофессиональной деятельности. *Аналитика изучаемого опыта коллег*, анализ конспектов занимательной и учебной деятельности, технологических карт и т.п. направлены на развитие чувствительности к педагогической деятельности, умения «экспертно» относиться к практике. *Написание рефлексивных эссе* направлено на развитие умения выражать свои мысли, идеи и переживания на соответствующую тему, самореализацию, самопрезентацию посредством авторского текста. Студенты *определяют личностные и учебные задачи*. Задачи и качество их решения, события, зоны трудностей и достижения отмечаются в *Рефлексивном дневнике*. В процессе взаимодействия со студентами преподаватель реализует *открытый стиль педагогической коммуникации*. Педагог стремится наладить эмоциональный контакт с каждым студентом, в общении преобладают положительные оценки, акцентируется внимание на связь действий с результатами, отмечается вклад каждого в построение общего «продукта» – понятия, содержания таблицы, идеи и пр. Важными образовательными формами являются *рефлексивная беседа* и *рефлексивный семинар как формы диалога*.

Образовательные результаты и эффекты. У студентов появляется осознанное отношение к собственному образованию и профессиональным пробам, преодолевается фрагментарность, появляется целостность восприятия образовательного процесса и связность получаемого образования и будущей профессии. Развивается децентрация, появляется внутренняя мобильность. Повышается чувствительность к себе, своим состояниям и к окружающим людям, актуализируется способность осуществлять переход к конструктивным действиям, дающим возможность строить совместность и созидать продукты совместной деятельности. Появляется осознание разных стратегий поведения, переживаний и аргументации для собственных выборов.

Литература:

1. Гогоберидзе А.Г. Гуманитарная технология индивидуального сопровождения студента в многоуровневом педагогическом образовании. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2008. 192 с.
2. Олешков М.Ю., Уваров В.М. Современный образовательный процесс: основные понятия и термины. М.: Компания Спутник+, 2006. 191 с.
3. Субъектность студента и преподавателя вуза: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), г. Казань, 24 июня 2016 г. / Под ред. Ф.Г. Мухаметзяновой. Казань: УВО «Университет управления ТИСБИ», 2016. 216 с.
4. Файзуллаева Е.Д. Открытый стиль педагогической коммуникации как ключевая компетенция современного педагога дошкольного образования // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2017. Вып. 1 (178). С.9–16.

Цикалюк Е.В.

ekaterinats85@yandex.ru

Центр оценки, мониторинга персонала Забайкальской железной дороги (Чита)

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ
ПЕРСОНАЛА

В современных социально-экономических условиях все большее значение приобретают вопросы нематериальной мотивации персонала организаций, независимо от форм собственности и направлений деятельности. Это связано, в первую очередь, с необходимостью поиска новых способов повышения продуктивности трудовой деятельности персонала, укрепления трудовой дисциплины, улучшения и сохранения благоприятного социально-психологического климата в трудовых коллективах.

При этом именно нематериальный аспект следует считать наиболее эффективным в системе мотивации в организации. Во-первых, нематериальная мотивация в отличие от материального стимулирования является менее финансово затратной, что позволяет за счет минимальных финансовых затрат добиваться высоких производственных показателей. Во-вторых, как показывает опыт, использование только материальных стимулов, как позитивных (премирование), так и негативных (система штрафов), как правило, не дает желаемого результата, поскольку ценностная система человека не может базироваться только на материальных стимулах. Она включает в себя как материальный, так и нематериальный компонент. Тем не менее, такое разделение достаточно условно, так как зачастую переход из одного компонента в другой несколько размыт.

В сущности, нематериальная мотивация затрагивает глубинные ценности человека, являющиеся базовой основой его социальной сущности. Это ценности, обуславливающие отношение работника к своей профессии и выполняемой работе, к другим людям (коллегам и клиентам), к самому себе как представителю отдельной профессиональной группы. Исходя из этого, основополагающими ценностями для персонала являются:

- профессионализм и уважение человека как профессионала;
- благоприятные отношения с коллегами и эмоциональный комфорт в трудовом коллективе;
- профессиональная самореализация и карьерное развитие.

При этом каждая из обозначенных групп включает в себя еще множество ценностей. Например, к первой группе следует относить такие ценности, как ощущение важности выполняемой работы, чувство нужности, ощущение принадлежности к определенной социальной группе (профессиональной), понимание своего вклада в общее дело, стремление выполнять свою работу на высоком уровне и др.

Вторая группа полностью базируется на ценностях человеческих взаимоотношений – общение, дружба, потребность в объединении с другими, единство (целей, ценностей, интересов и т.д.), командная работа, взаимопомощь и взаимоподдержка, эмоциональная стабильность и защита и др.

Для третьей группы характерны такие ценности, как саморазвитие (личностное и профессиональное), желание узнавать и пробовать что-то новое, самореализация в

проектной, творческой, научной и спортивной сферах, успешность, достижение поставленных целей, нацеленность на результат, лидерство и др.

Естественно, что в ценностной системе каждого отдельного работника все эти группы будут представлены в разной пропорции, тем не менее, в той или иной степени они будут присутствовать у всех и могут считаться универсальными при разработке способов мотивации персонала. Кроме того, для получения наиболее высокого результата вполне целесообразным является изучение ценностных ориентаций и соответствующих им потребностей работников, а затем составление на этой основе «индивидуальной программы мотивации».

Таким образом, при формировании и развитии системы нематериальной мотивации персонала важно учитывать ценностные основания мотивов работников, знание которых позволяет выбирать наиболее действенные методы.

Швец Н.А.

shvets-07@mail.ru

АГГПУ им. В.М. Шукшина (Бийск)

АКТУАЛЬНОСТЬ ИДЕЙ П.П. БЛОНСКОГО О НОВОЙ ШКОЛЕ: 1917 VS. 2017

1917 год. Основная идея автора статьи Павла Петровича Блонского «Задачи и методы новой народной школы» (1917 г.) заключается в постановке вопроса о повсеместном просвещении народа и воспитании в нем самостоятельности. Данные идеи, несомненно, обусловлены существующими на тот период историко-культурными условиями распада дореволюционной системы образования для избранных и ориентации на всеобщее образование населения, когда многие передовые учителя, педагоги, энтузиасты принимали активное участие в разработке теоретических основ педагогики и педологии, практического содержания современных учебников и школьных программ.

Идеи автора воплощены в мысли относительно статуса (роли) народной школы, ее места в воспитании, образовании и самой жизни ребенка. «В народной школе ребенок должен не обучаться теоретическим знаниям, но учиться жить...». Таким образом, исследователь выражает мнение о необходимости усиления практико-ориентированности школьного образования. Также автор выявляет проблему разрозненности и бессистемности «кусочков знаний» в программах существующих школ и необходимости привести все программы новой школы в соответствие с принципом взаимозависимости и взаимообусловленности знаний из разных дисциплин, тем самым прослеживается мысль об усилении междисциплинарности знаний и важности формирования целостной и реальной картины мира ребенка. Идеи П.П. Блонского, на наш взгляд, можно назвать предпосылками к теоретическому обоснованию деятельностно-компетентного подхода к школьному образованию, направленного на формирование у школьников способности и опыта применять полученные знания в жизненных нестандартных ситуациях. Выводы автора можно представить в ключевом, на наш взгляд, положении о том, что «...новая школа создает творца новой человеческой жизни посредством организации самовоспитания и самоорганизации его».

2017 год. После развала советской системы классического образования и воспитания, закладывавшего основы фундаментальных знаний, начитанности и интеллигентности, высокой культуры поведения и серьезного отношения к жизни и труду, особенно важным для страны становится создание системы образования и воспитания с учетом новых социально-культурно-экономических условий. По нашему мнению, пройдя определённый цикл, Россия находится на очень похожем витке своего развития. Более 25 лет мы по-прежнему находимся в поиске; и проблема получения нового качества образования и воспитания ребенка в настоящее время актуализирует новые подходы к образованию, в целом, и школе, в частности.

Наиболее актуальными считаем следующие идеи автора. Во-первых, просто получение разнообразных отрывочных знаний через абсолютно недостоверные источники информации (телевидение, интернет и др.) приводит к дискретности знаний и отсутствию целостного восприятия мира, его «искаженному» восприятию. Актуален в настоящее время переход от разрозненных знаний к интегративным процессам в образовании, к усилению междисциплинарности знаний. Во-вторых, позиция П.П. Блонского о развитии активной логической мысли ребенка и использовании вместо вопросно-ответной формы работы – задач или рассказов приводит нас к выводам о том, что новая школа должна создавать и нового учителя, использующего инновационные эффективные формы, методы, способы, технологии обучения. В-третьих, согласимся с мнением Павла Петровича о том, что «воспитание и просвещение ребенок не может получить только в семье, ибо старшее поколение еще более темное и пассивное». Продолжая мысль, следует сказать, что современные дети действительно в определенной степени больше умеют и знают, быстрее осваивают современные информационные технологии и т.д., и именно школа должна и имеет потенциал обеспечить все условия, чтобы развивать данные способности современного ребенка для работы с информацией, с передовыми технологиями в новых условиях глобализации и конкурентной борьбы.

В заключении хотелось бы отметить, что актуальность идей автора в контексте современного образования в России, на наш взгляд, не вызывает сомнений, и выразить уверенность в том, что идея П.П. Блонского о воспитании у народа «самостоятельности» является «ультра-актуальной», так как в настоящее время в связи с ежедневным обновлением технологий производства, «бешеным ритмом» нововведений в трудовую деятельность человека в любой области, когда знания, полученные в школе и вузе, быстро устаревают, встает вопрос о том, как эффективно использовать имеющийся огромный потенциал школы для формирования у ребенка самостоятельности, самоорганизованности, мотивированности и направленности ребенка получать образование на протяжении жизни.

Литература:

1. Блонский П.П. Избранные педагогические произведения. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. 696 с. Режим доступа http://elib.gnpbu.ru/text/blonsky_izbrannye-proizvedeniya_1961/

Шкуропацкая М.Г.^{*}, Ундармаа Д.^{**}^{*}marina-shkuropac@mail.ru

АГГПУ им. В.М. Шукшина (Бийск)

^{**}Ховдский государственный университет (Ховд)ЗВУКОВЫЕ АССОЦИИ СЛОВ,
ОБОЗНАЧАЮЩИХ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В МОНГОЛЬСКОМ
И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ¹

В докладе представлены результаты сопоставительного изучения звуковых соответствий слов монгольского и русского языков, относящихся к тематической группе «домашние животные». Данная цель достигалась путем анкетирования носителей монгольского и русского языков (по сто человек) с последующим описанием полученного языкового материала – ассоциативных полей слов. С учетом рекомендаций авторов Словаря обыденных толкований русских слов (Басалаева, Воробьева, Голев и др. 2012), задание для эксперимента нами было сформулировано следующим образом: «Какие созвучные слова приходят на ум, когда вы слышите следующие слова? Например, если слышим, *колошматить*, на ум приходит созвучные слова: *колотить*, *лохматый* или *шмотья*. Если *окоп*, то – *копать*, если *кубарем*, то – *кубик*». Данное задание было направлено на выявление того, на какую форму слова, внутреннюю (морфемную) или внешнюю (звуковую), ориентируется носитель языка в ассоциативной деятельности в каждом конкретном случае. Полученный ассоциативный материал убеждает в том, любое слово обладает определенным потенциалом мотивационно-ассоциативного функционирования, однако реализация этого потенциала у разных слов может проявляться по-разному, с разной силой и в разных формах.

Наиболее значимыми результатами исследования являются следующие:

1. В ассоциативных полях «на созвучия» в обоих языках мы получили ассоциации, связанные со словом-стимулом разными отношениями: формальными (формальные ассоциации), формально-семантическими (формально-семантические ассоциации) и семантическими (семантические ассоциации). Появление формальных и формально-семантических ассоциаций, которых оказалось большинство, было обусловлено направленностью самого эксперимента (Какие созвучные слова приходят на ум, когда вы слышите следующие слова?). Семантические ассоциации могли быть вызваны «не включением» по разным причинам механизма морфемно-мотивационного анализа.

2. При анализе формальных ассоциаций мы использовали методику идентификации слова-стимула путем опор на различные мотивирующие элементы его формальной организации, предложенную Т.Ю. Сазоновой (Сазонова 1999). Выделялись следующие стратегии: опоры на фонетический образ слова, опоры на графический образ слова, опоры на морфологический образ слова. Преобладающим в монгольском языке оказалось ассоциирование с опорой на фонетический облик слова, которое в 3 раза превысило ассоциирование на морфологический образ слова. В русском языке количество ассоциаций, опирающихся на фонетический и графический образ слова, превысило количество морфологических ассоциаций в 2 раза.

3. Анализ формальных ассоциаций с учетом их совпадений с той или иной частью слова-стимула показал, что наиболее значимыми для такого ассоциирования

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 16-04-00189.

являются две позиции: начало слова и ударный слог в слове. Однако в обоих языках количество ассоциаций, совпавших с ударным слогом в слове, превысило количество ассоциаций, совпавших с начальными буквами (звуками) в слове. В монгольском языке таких ассоциаций оказалось больше в – 0,7 раза, в русском языке – в 1,5 раза. Таким образом, носители обоих языков при формальном ассоциировании чаще всего ориентируются на ударный слог в слове.

Литература:

1. Басалаева М.Ю., Воробьева М.Е., Голев Н.Д. и др. Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы: в 2 т. Т 1: А – М (АБРИКОС – МУРАВЕЙ) (478 слов-стимулов) / под ред. Н.Д. Голева. Кемерово: Кемеровский государственный университет. 2012. 536 с.
2. Сазонова Т.Ю. Психолингвистическое исследование стратегий и опор идентификации слова. 1999. Режим доступа: http://fccl.ksu.ru/winter.99/cog_model/sazonova.pdf (дата обращения: 19.06.2017).

Щелок Т.И.

ttschelok@rambler.ru

АГГПУ им. В.М. Шукшина (Бийск)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКИХ СЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

На современном этапе развития лингвистики появляется огромный интерес к изучению словообразования, в частности словосложения – наиболее продуктивного способа пополнения словарного запаса немецкого языка, тяготеющего к различного рода сращиваниям слов. Так, сложные прилагательные являются одним из продуктов функционирования данного процесса. Они позволяют немецкому языку упрощать речь, но оставляют за собой ёмкость смысла, способствуя таким образом реализации тенденции к языковой экономии.

Вопросам изучения словосложения и образования сложных прилагательных посвятили свои труды Ф. Фляйшер (Степанова, Фляйшер 1984), М.Д. Степанова (Степанова 1953; Степанова 1979; Степанова, Фляйшер 1984), А. Ленкова и А. Искоз (Iskos, Lenkova 1970), М. Пюмпел-Мадер (Rümpel-Mader 1992) и др., описывающие словообразовательные и семантические особенности указанного класса лексических единиц.

Данная работа содержит результаты исследования структурных особенностей сложных прилагательных в количестве 75 единиц, включенных в словарь О.П. Васильева (Новый немецко-русский и русско-немецкий словарь 2009) и обнаруженных методом сплошной выборки. Выписанные лексемы подверглись морфемному анализу, что дало возможность выявить и подробно описать их словообразовательные особенности, модели, по которым они конструируются. Так, обнаружены 12 групп, отражающие закономерности создания сложных прилагательных. Например: модель «Корень первого слова + корень, суффикс второго слова» (46,6 %): *glückseilig; kampflustig; lachlustig; langmütig; leichtgläublich*; модель «Корень первого слова + приставка, корень, суффикс второго слова в сложном» (4 %): *mehrgeschossig; eingeschossig; neungeschossig* и т.д.

Выделенные рубрики показывают, какой способ образования сложных прилагательных наиболее частотен в немецком языке. Так, преобладает рубрика «Корень первого слова + корень второго слова + суффикс второго слова» (46,6 %), менее распространена группа «Корень первого слова + корень второго слова» (24,3 %), на третьем месте группировка «Корень первого слова + интерфикс + корень, суффикс второго слова» (5,4 %). Наименьшее процентное соотношение у групп «Корень первого слова + интерфикс + корень второго слова в сложном» (1,3 %) и «Корень первого слова + корень, суффикс второго слова + интерфикс + корень третьего слова в сложном» (1,3 %).

Таким образом, следует отметить, что каждая модель характеризуется своими путями образования: с помощью соединения корня первого слова с корнем второго слова, корня и суффикса первого слова с корнем второго слова, приставки и корня первого слова с корнем второго слова и т.д.

Литература:

1. Новый немецко-русский и русско-немецкий словарь / Сост. О. П. Васильев. М.: ООО «ДСК», 2009. 928 с.
2. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М.: Издательство литературы на иностранном языке, 1953. 375 с.
3. Степанова М. Д. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. М., 1979. 486 с.
4. Степанова М. Д., Фляйшер, Ф. Теоретические основы словообразования в немецком языке. М.: Высшая школа, 1984. 264 с.
5. Deutsche Wortbildung. Hauptteil 5: Adjektivkomposita und Partizipialbildungen / ed. by Maria Pümpel-Mader / Sprache der Gegenwart. Band LXXX. Berlin-New York: Walter de Gruyter, 1992. 140 S.
6. Iskos A., Lenkowa A. Deutsche Lexikologie. М., 1970. 295 с.

Юрьева Л.А.

yurijeva@rambler.ru

Новокузнецкий институт (филиал) КемГУ (Новокузнецк)

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СОДЕРЖАНИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ЖИЛИЩЕ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРАВОВЕДОВ

Право на жилище является одним из важнейших социально-экономических прав гражданина Российской Федерации, гарантированное основным законом нашей страны. В юридической литературе редко встречаются определения права на жилище, гораздо чаще для раскрытия его содержания используется перечневый способ, т.е. перечисляются юридические возможности, которые оно предоставляет обладателю. Вместе с тем число и существо таких возможностей у разных авторов различается. Так, по мнению Б.В. Прасолова, конституционное право на жилище включает в себя две юридические возможности: возможность владеть и пользоваться жилыми помещениями и возможность для отдельных категорий граждан улучшать свои жилищные условия путем признания их нуждающимися и предоставления жилых помещений государственного, муниципального или частного жилищного фонда

социального использования (Прасолов 2016: 38). Схожее мнение на право граждан на жилище высказали Р.А. Герасимов и П.М. Филиппов. Однако, в отличие от Б.В. Прасолова, указанные авторы вкладывают более широкое содержание в право граждан на улучшение жилищных условий, подразумевая под ним не только возможность получения жилья из государственного или муниципального жилищных фондов, но и самообеспечение жильем (Герасимов 2005: 7; Балтутите, Витвицкая, Гончаров 2016: 72).

К обозначенным ранее правомочиям в содержание права на жилище Л.Ю. Грудцына, П.И. Седугин и Г.Ф. Шешко дополнительно включают право на здоровую и безопасную среду обитания и недопустимость произвольного лишения граждан жилья (Грудцына 2015: 45; Седугин 1997: 19-20; Шешко 2007: 71).

Встречается среди отечественных правоведов и необоснованно широкий подход к содержанию права граждан на жилище. Так, по мнению Ю.В. Смирновой, конституционное право на жилище включает в себя: право на жизнь; право на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны; право на неприкосновенность жилища; право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства; право частной собственности; право на судебную защиту (Смирнова 2011: 30-31).

Проведенный анализ норм действующего законодательства и различных мнений ученых позволяет определить право граждан на жилище как признаваемое государством в отношении каждого гражданина право на имеющееся у него жилье, недопустимость его произвольного лишения, а также право на улучшение жилищных условий, в том числе при содействии государства. Конституционное право на жилище выступает базовым нормативным основанием субъективного права конкретного лица на определенное жилое помещение (Давлетова 2003: 7).

Литература:

1. Герасимов Р.А. Конституционное право на жилище и механизм его реализации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Коломна, 2005. 20 с.
2. Грудцына Л.Ю. Конституционное право граждан на жилище. Неприкосновенность жилища // Адвокат, 2005, №7. С. 41-46.
3. Давлетова М.И. Субъективное гражданское право на жилое помещение: нормативные основания и некоторые проблемы правовой охраны: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Казань, 2003. 25 с.
4. Балтутите И.В., Витвицкая В.Р., Гончаров А.И. и др. Жилищное право. М., 2016. 528 с.
5. Прасолов Б.В. Конституционное право граждан на жилище // Семейное и жилищное право, 2016, №4. С. 34-38.
6. Седугин П.И. Жилищное право. М.: Норма, 1997. 320 с.
7. Смирнова Ю.В. Конституционное право на жилище в системе смежных прав и свобод в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право, 2011, №8. С. 30 - 33.
8. Шешко Г.Ф. Право на жилище: конституционные принципы и жилищное законодательство // Цивилист, 2007, №4. С. 70-77.

Об издателе

Методология и практика научных исследований

тезисы докладов

Международной научной школы-конференции
(Бийск, 15-17 сентября 2017 г.)

электронное издание

Ответственный редактор: Власов Михаил Сергеевич

ISBN 978-5-85127-915-7

Дата подписания к использованию: 11.12.2017

Объем издания: 1,18 Мб

1 электрон. опт. диск (CD-R)

Издатель: Алтайский государственный
гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина
659333, Алтайский край, г. Бийск, ул. Владимира Короленко, 53.
Тел.: (3854) 41-64-38